

Б. СУШИНСКИЙ
**ЛАВРОВЫЙ ВЕНОК
ДЛЯ СМЕРТНИКА**

ВЕЧЕ

Новая библиотека приключений и научной фантастики

Богдан Сушинский

Лавровый венок для смертника

«ВЕЧЕ»

2018

Сушинский Б. И.

Лавровый венок для смертника / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Новая библиотека приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-4484-7685-3

Действие нового приключенческого романа известного писателя, лауреата международных премий Богдана Сушинского происходит на затерянном в океане островке, в расположенной на нем тюрьме смертников «Рейдер-Форт». Здесь разворачивается необычная по своим коллизиям психологическая драма, сохраняя напряжение до последней страницы, открывая мир «сочинительницы сценариев бытия» Эллин Грей, бывшего моряка, а ныне тюремного палача Кроушеда и жестокого убийцы Тома Шеффилда.

ISBN 978-5-4484-7685-3

© Сушинский Б. И., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Часть первая. Лавровый венок для смертника	6
1	6
2	9
3	13
4	17
6	23
7	26
8	28
9	31
10	34
11	37
12	39
13	40
14	43
15	45
16	48
17	50
18	55
19	58
20	60
21	64
22	66
23	68
24	71
25	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Б. И. Сушинский

Лавровый венок для смертника

* * *

© Сушинский Б. И., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Часть первая. Лавровый венок для смертника

Ярость – вот все, что осталось многим из нас в этом мире. Позабыв о доброте и снисходительности, мы порожаем ярость и ненависть, в которых сами же потом, подобно поминальным свечам, сгораем.

Автор

1

Отшлифованные волнами и ветрами базальтовые скалы возрождались из серой туманности океана, постепенно перевоплощаясь в некие застывшие силуэты, очертаниями своими напоминавшие изваяния острова Пасхи.

Обогнув увенчанный одной из таких «статуй» мыс, «Странник морей» медленно входил в узкую, извилистую горловину, оголенные мрачные берега которой не расступались перед небольшим, основательно потрепанным стихиями суденышком, а как бы угрюмо поглощали его, растворяясь в черной пасти каньона.

– Самое могильное место на всем побережье, – хрипло изрек оказавшийся рядом с Эвардом коренастый детина в потрепанной матросской куртке и засаленной форменной фуражке с высокой, адмиральской, тульей, – «Остров-саван» – он и есть остров-саван.

Грюн Эвард ответил не сразу, и, может быть, только поэтому отставной моряк, почти в течение получаса отрешенно не замечавший его, на сей раз взглянул на своего спутника с некоторым проблеском интереса. Грюн уже понял, что об «острове-саване» моряк заговорил как бы про себя; но, человек от природы замкнутый и угрюмый, он приучен был ценить молчание собеседника, словно Богом ниспосланную добродетель, и теперь ощущал признательность Адмиралу за его снисходительную разговорчивость.

– Почему вдруг «саван»? – отреагировал Эвард в ту последнюю минуту, когда Адмиралу – Грюн так и решил называть его про себя – могло показаться, что до самого причала этот рослый, аскетического вида молчун так ни слова и не произнесет.

– Там, на материке, – повел моряк подбородком в сторону черной косматой полосы тумана, скрывающей не столь уж далекий отсюда берег, – помнят лишь о том, что на Рейдере находится тюрьма смертников, да выросший при ней городишко. Забывая, что, задолго до основания тюрьмы «Рейдер-Форт», этого прокурорско-угодного заведения, на острове мысе Корвет был основан поселок Последнее Пристанище.

– Дичайшее название, – проворчал Эвард, зябко втягивая шею в поднятый ворот коричневого кожаного плаща.

Трубка, которой наслаждался Адмирал, погасла еще, очевидно, вчера вечером, при выходе из Готсмауна, столицы Фриленда, однако это не мешало ему усиленно, и даже озлобленно, посасывать ее.

Пройдя извилистую котловину, «Странник морей» неуклюже, словно раненый кит, входил в грушеобразную бухту, в самой широкой части которой чернели портовые постройки, а чуть ниже, у подножия скал, едва улавливались неясные очертания нескольких рыбацких суденышек. И все же, несмотря на неоспоримые атрибуты цивилизации, остров казался безлюдным.

– Это название для поселка придумали моряки из погибшего в девяти милях отсюда судна, – осуждающе просветил Эварда его собеседник. – Несколько суток их плот терзали жесточайшие шторма. Моля Господа и всех ангелов о спасении, моряки поклялись, что оста-

ток дней своих проведут на том клочке земли, который им достанется. Спасти-то Бог их спас, но посмотрите, куда их забросило! – Отставной моряк снисходительно пожал плечами, как бы прощая Всевышнему его милосердную жестокость, и трубку изо рта извлек с таким остервенением, словно вырывал вместе с челюстью.

– Вот оно что! – оживился Грюн, почувствовав, что вся эта островная история уже сама по себе – сюжет. – Судя по всему, счастливым действительно досталось далеко не лучшее из того, что сотворено под луной.

– Потом у них было предостаточно времени и оснований, чтобы проклинать себя за легкомысленность клятвы, но они оказались истинными моряками, умеющими держать слово. Создавая рядом с руинами древнего маяка свое поселение, они тогда еще даже не предполагали, что вскоре это станет традицией: чудом спасшиеся моряки начнут уходить на Рейдер, подобно тому, как уходят в монастырь. Тем более что в те времена остров все еще оставался малообитаемым. Даже если учесть, что в другом конце его, возле развалин крепости, – это уже потом ее отстроили, – здесь, на месте Рейдер-Тауна, стояло несколько хижин рыбаков, да причал, позволявший сейнерам спасаться во время шторма.

– Следует полагать, вы – один из этих моряков-монахов?

Адмирал с достоинством кивнул и многозначительно оглядел стоявшие рядом с ним пожитки: оранжевый баул и видеовидео дорожную сумку с потрескавшимся наплечным ремнем.

– Недавно я уже побывал здесь. Общество, должен вам доложить, не изысканное. Но лучше уж отбивать свои последние склянки здесь, в этом морском братстве, нежели скитаться по чужим гаваням, ни в одной из которых места для твоего якоря уже не найдется.

– Вопрос выбора, – неохотно согласился Грюн. – Пока мы молоды, хотя бы относительно, – уточнил он, – проблема пристанища как-то не особенно волнует нас.

– А вот это уже вопрос времени, сэр.

– Поглощающего нас времени, – угрюмо признал Эвард.

– В поселке как раз освобождается хижина. Двое обитавших в ней моряков не вернулись из океана, – а, выдержав небольшую паузу, Адмирал объяснил: – Дело не в стихии. Время от времени кто-то из обитателей Последнего Пристанища решает, что цепляться за эти камни уже не стоит, и тогда... В отличие от городка, в поселке кладбищем так и не обзавелись. За ненадобностью. Там предпочитают уходить, не дожидаясь савана. У них это называется «предаться океану».

– Хотите сказать, что Последнее Пристанище – поселок самоубийц?

– Не стоило бы прибегать именно к этому словцу, сэр. Множество раз эти люди уходили в океан, надеясь, что у них хватит мужества и везения, чтобы вернуться. Но однажды они уходят с надеждой, что у них окажется достаточно мужества, чтобы... не вернуться.

– Любопытно, – задумчиво процедил Эвард. – Я начинаю совершенно по-иному воспринимать весь этот остров.

– Еще более «по-иному» станете воспринимать его, когда побываете в Последнем Пристанище. Но, как бы вы ни относились к его обитателям, сэр, вы не сможете не признать, что, в отличие от всех прочих, они сами выбирают свой роковой день и час, – еще напористее прохрипел Адмирал, пытаясь убедить не столько Эварда, сколько самого себя. – А это не так уж дурно. Лучше определять судный день самому, нежели сгорать в его котле, проклиная судьбу и небо.

Он еще говорил и говорил, однако Грюн уже не очень-то вдумывался в смысл его слов.

«Последнее Пристанище»... – вяло и пока еще неопределенно переваривалось в его сознании. – Поселок отставных моряков-самоубийц, на забытом посреди океана островке Рейдер. Если сию мистическую солянку предложить Лоэнсу, для его журнала «Западное побережье», он воспримет это с пониманием. Однако притащился-то ты на остров не за этим.

– Следует полагать, вы тоже намерены стать одним из «предавшихся океану»... – задумчиво проговорил он только для того, чтобы как-то возобновить разговор, и принялся следить, как, до предела сбавив ход, суденышко осторожно подбирается к полустгнившей бревенчатой пристани...

– В Последнем Пристанище говорить об этом не принято, – сухо отрубил Адмирал, давая понять, что не желает продолжать разговор. – К тому же лично я спешить с подобным отречением от мира сего не намерен. Кажется, на Рейдере для меня еще найдется работенка.

– Разве что в тюрьме, – иронично хмыкнул Эвард.

– Именно там, в тюрьме «Рейдер-Форт», сэр, – почти официально, с холодным вызовом, подтвердил отставной моряк, – она и найдется. Лично меня такая перспектива не смущает: самому дважды пришлось «отсиживаться».

– Богатая биография.

– Вы-то сами кто, коль уж не имеете отношения ни к этому «аристократическому» заведению, – указал он концом длинного мундштука в сторону черневшего на вершине горы тюремного замка, – ни к городку?

– «Собиратель житейских причуд» – такой ответ вас устроит?

– Собиратель... житейских... причуд? – Несколько мгновений Адмирал оценивающе рассматривал Эварда, как бы прикидывая, тянет ли он на столь высокомерное определение, затем решительно сунул трубку в рот и, подняв свои сумки, направился вдоль борта поближе к тому месту, где вскоре будет спущен трап.

«Да, „собирает житейских причуд“! – мысленно воспротивился его оценке Грюн Эвард. – Отныне я стану именовать себя только так. Ибо это соответствует истине». – И, немного поколебавшись, последовал за Адмиралом.

2

Во сне Кэрол Винчер отдавалась Тому Шеффилду с той же возвышенно-томной грациозностью, с которой способны отдаваться лишь профессиональные проститутки и именитые аристократки.

... А потом она лежала перед ним на полянке из примятой зеленой ржи, разбросав и одежды, и телеса свои – смуглая, рослая, крутобедрая и не по-женски мускулистая. Точь-в-точь такая, какой в последний раз представляла там, на краю затерявшегося между сосновыми рошицами поля, в двух шагах от обрыва.

Впрочем, там все происходило немного иначе. Что-то неладное владелица ранчо «Мустанг» почувствовала сразу же, как только они оказались за руинами ветряной мельницы, у кромки ржаного поля. Ангел ли, дьявол или банальная женская интуиция... – но что-то подсказывало Кэрол, что в обличье невесты откуда объявившегося покупателя ее несостоявшегося наследства таится хриstopродавец – покупатель ее души, хладнокровный насильник и убийца.

Кэрол понятия не имела о том, что, прежде чем появиться в здешних краях, Томпсон – как на самом деле представился ей известный писатель Том Шеффилд, – успел встретиться с ее почти выжившей из ума тетушкой. Причем результаты встречи оказались для него очень выгодными. Пришелец сумел уговорить миссис д'Орбель – за символическую мизерию, за абсолютный бесценник, – продать ему городской и загородный дома, а также это ранчо. При этом намеревался оформить их на подставное лицо – своего адвоката Эллин Грей.

Естественно, Кэрол всего этого не знала и знать не могла, но, оказавшись за рошицей, вдруг сухо обронила:

– Это и есть конец моих владений. Вон там он, «над пропастью во ржи». Поэтому нам пора возвращаться на ранчо, – и направилась к ожидавшей ее, на французский манер сработанной, карете – последнему ностальгическому вздоху своей тетушки-француженки, – рядом с которой серел и его, Шеффилда, потрепанный временем и дорогами «мерседес». На передке этой кареты, без кучера, Кэрол и приехала на встречу со своим покупателем.

– Уже ваших... владений, или, юридически, пока еще миссис д'Орбель? – как бы между прочим спросил Шеффилд, мельком окидывая взглядом окрестности. Сейчас его интересовали не столько красоты здешних мест, сколько их безлюдье.

Убедившись, что ни одного живого существа поблизости нет, он вновь утвердился во мнении, что избавляться от молодой вдовы следует прямо здесь, сейчас и немедленно. Ибо лучшего случая не представится.

– Миссис д'Орбель уже присмотрела для себя «владение». Рядом с могилой сестры, на старинном кладбище, в трех милях отсюда, – резко парировала Винчер.

Желание предстать перед незнакомцем истинной владелицей ранчо на какое-то время заглушило инстинктивный страх перед ним. У нее, видите ли, появились свои планы: продать недвижимость тетушки и купить себе виллу на Средиземноморском побережье Франции. Во Фриленде ее не устраивали ни климат, ни отдаленность от цивилизованного мира, ни утробная провинциальность самого городка, в котором имелись сразу два особняка миссис д'Орбель.

Кэрол еще не знала, когда и каким образом избавиться от самой, явно подзадержавшейся на этом свете, тетушки, как не знала и того, что, хотя завещание на ее имя уже составлено, однако скрепить его подписью нотариуса миссис д'Орбель так и не удосужилась. Точнее, буквально в последнюю минуту передумала, посоветовавшись с самим нотариусом, своим бывшим любовником, успевшим за день до этого, совершенно неожиданно для себя, познать и ласки адвоката Шеффилда Эллин Грей. Благо, что этой «валютой» его компаньонка пользовалась столь же охотно, как и умело.

Она еще многого в этой жизни не знала, не понимала, или же не желала знать и понимать – эта двадцатидвухлетняя красавица, вдова недавно погибшего автогонщика, сама претендовавшая на место в олимпийской сборной Фриленда по плаванию. Жизнь она намеревалась пройти уверенно и красиво, как свою коронную дистанцию в олимпийском бассейне. При этом зрители, соперницы, судьи и прочие статисты ее не интересовали...

* * *

...Полежав несколько минут с широко открытыми глазами, Том Шеффилд подхватился и, рванув и без того распахнутый ворот рубашки, – словно срывал с себя веревочную петлю, – заметался по камере. Низкий казематный потолок давил на него, как надгробная плита; сырые, выложенные из дикого камня стены ограничивали мир до пространства спичечного коробка; и писатель метался по нему, будто заживо замурованный в склепе, рыча и по-волчьи взывая от ярости.

Еще в столичной тюрьме предварительного следствия он вдруг открыл для себя, что панически боится закрытого пространства. Подлая неустойчивость его психики, о которой там, на свободе, он лишь время от времени смутно догадывался, в заточении вдруг превратилась в палача, изводившего куда страшнее, нежели издевательства надзирателей, страх перед смертным приговором и муки все еще снисходившего на него человеческого раскаяния – слишком запоздалого, а потому совершенно бессмысленного.

Чтобы как-то успокоиться, Шеффилд закрыл глаза, пытаясь погрузиться во мрак тюремного небытия, в греховную невинность сексуального полусна-полубреда.

...О завещании, пусть даже незаверенном, Шеффилд узнал уже после того, как договорился о сделке. Мешала наследница, способная затаскать его по судам, убрав которую, он становился одним из состоятельнейших людей округа. Шеффилд считал, что к вершине своей литературной славы он должен идти той же тропой, что и к вершине финансовой. И вот пришел! К «пропасти во ржи».

Том вновь попытался возродить в своем воображении тело Кэрол, ее ноги, обнаженную грудь, однако сознание его рассеивалось, образы являлись расплывчатыми, память перескакивала с эпизода на эпизод.

А ведь вроде бы все рассчитал: владение двумя особняками, швейной мастерской и огромным ранчо позволило бы ему свести на нет финансовую зависимость от издателей. А соединив их с доходами от акций и гонораром за несколько своих изданий, вполне мог бы открыть собственное издательство, создав со временем и сеть книжных лавок.

«Книжный магнат Шеффилд» – так это прочитывалось бы на страницах самых солидных газет Фриленда.

В соседней камере бесился от ярости громила, который несколько дней назад был приговорен к пожизненному заключению. Это была ярость человека, возненавидевшего мир еще сильнее, чем мир возненавидел его.

«Ярость – все, что нам осталось в этом мире, – подумалось Шеффилду. – Позабыв о доброте, милосердии и снисходительности, мы порожаем ярость и ненависть, в которых сами же, подобно поминальным свечам, и сгораем».

Если он в чем-то и раскаивался в истории с миссис Винчер, так это в том, что слишком мало наслаждался ее телом. Лишь на второй день после того, как Том удушил ее и там же, «над пропастью во ржи», зарыл, он понял, какую прекрасную женщину погубил. И почувствовал, что она пленяет его даже мертвая. Он влюбился в свою жертву – вот что произошло на этом проклятом ранчо!

Сколько раз Шеффилд представлял себе потом Кэрол живой, фантазируя на тему того, как было бы прекрасно, если бы эта женщина стала его женой и они уединились бы где-нибудь

в сельской глубинке, в самой ее глуши. С появлением в его жизни Кэрол, Шеффилд начал излечиваться от чар Эллин. Кэрол оказалась единственной, кто способен был затмить красоту его злого ангела-адвоката. Но как же недолго все это длилось! Как недолго и страшно.

«Может быть, поэтому Эллин так упорно настаивала на том, чтобы ты расправился с Кэрол? – вдруг открыл для себя Шеффилд. – У нее были основания: ты ведь сразу же приглянулся Винчер. Узнав, что собираешься приобрести ее недвижимость, да к тому же холост, Кэрол сразу же оживилась и начала откровенно заигрывать, претендуя на роль вполне законной хозяйки и ранчо, и фабрики. Она и по рожице вначале брела, не опасаясь тебя, готовая, в виде залога под будущую свадьбу, отдаться тебе, где возжелаешь. И если бы ты принял ее условия... Если бы только принял их! Какая у тебя могла бы оказаться супруга! Какой потрясающий „сюжет“ мог бы вырисовываться сразу же после помолвки!»

– Казни! – захлебывался тем временем собственной ненавистью некий «невольный убийца», томившийся в соседней камере. – Я требую для себя казни! Будь я проклят, что молил о снисхождении! Смерть возлюбила меня так же, как я возлюбил ее!

«Я тоже молил о смерти, было такое, – мысленно отозвался Шеффилд. – Однако теперь охотно поменялся бы с тобой приговорами. Если бы только это стало возможным!»

Лишь случайно не дошедший до электрического стула сосед кричал еще о чем-то, однако к стенаниям его Том уже не прислушивался.

«Эллин все продумала, решительно все! – с огромным трудом возвращался к своим размышлениям. – Ведь как все происходило? Мы со вдовой Кэрол встретились в городке. На ранчо меня никто не видел... Как же могло случиться, что именно это убийство оказалось раскрытым?! Только оно, единственное из шести? Эллин словно бы предчувствовала, что следующей жертвой должна была оказаться она сама. И что ее смерть понадобилась тебе, как великое избавление – от самого опасного свидетеля, от соучастника, подставного лица, на которого были оформлены твои пусть небогатые, но все же владения; от дьявола, который вновь и вновь вводил тебя в грех смертоубийства...»

– Я не желаю жить в клетке! Требую для себя только одного: права на смерть! – убеждал холодные камни крепостных стен единственный на весь каземат смертников сосед Шеффилда. И Том мысленно умолял его продолжать эту истерию, ибо очищалась ею и его собственная, истерзанная страхом и болями душа.

Не исключено, что Эллин, эта закоренелая мерзавка, все рассчитала. Вначале она моими руками убрала вдову Кэрол, затем... Стоп! – нервно прошелся по камере Шеффилд. – Что «затем»? Неужели она сама упросила редактора журнала немедленно опубликовать мой рассказ, в основе которого лежал сюжет расправы над Кэрол, – чтобы тут же навести на меня полицию?!

Нет, такого не может быть! Такого попросту не могло случиться. Это всплыло бы уже во время следствия или, в крайнем случае, на суде...

Как бы там ни было, а поначалу Грей «продала» тебе сюжет для детективного рассказа, а затем «продала» и тебя самого. И теперь бесится, наслаждаясь свободой, а ты бесишься здесь, в ожидании казни... Если бы не она, ты возлежал бы в эти минуты с Кэрол. Все там же, «над пропастью во ржи», или в супружеской постели. Упиваясь ее телом. Упиваясь и блаженствуя...

– Теперь я желаю только одного – смерти! – присоединился он к яростному рычанию соседа по каземату. – Я возлюбил свою смерть настолько, что для меня она дороже свободы!

Заслышав его голос, сосед-убийца еще несколько секунд назад буйствовавший за стеной, неожиданно умолк и, припав ухом к стене, трепетно прислушивался к его зову, его мольбе о погибели!

Кажется, в эти минуты он возвращался к осознанию того, что там, за стеной – находится смертник, уже даже не дни, а часы которого – сочтены. А ему еще, как это ни прискорбно, жить

и жить. Как же это важно для всякого разуверившегося, – чтобы рядом исходил предсмертной тоской и замогильным отчаянием смертник!

3

За две недели до прибытия на остров Грюна Эварда на нем появилась и новый адвокат приговоренного к смерти писателя Шеффилда Эллин Грей.

Явление этой белокурой красавицы с распущенными золотистыми волосами и строгими римско-нордическими чертами лица, завораживающими всякого, чей взгляд хотя бы невзначай скользил по ним, было эффектным. Доставивший ее полицейский вертолет приземлился во дворе полицейского управления острова. И получилось так, что предупрежденные о прибытии начальства офицеры приветствовали не столько пожаловавшего на нем заместителя министра внутренних дел Вильяма Лейса, сколько саму Эллин. Генерал полиции воспринимался рядом с ней лишь как сопровождающее лицо.

– Нам с генералом известны ваши проблемы, подполковник Нэвэл, – мило улыбнулась она, как только начальник полиции Рейдера в вежливом поклоне поцеловал ей руку. – Держать вас шесть лет без повышения в чине – это явно не по-божески!

Основательно побагровев, тучный подполковник в изумлении взглянул вначале на Грей, затем на генерал-лейтенанта полиции. Эллин изрекала святую правду. Но именно поэтому Нэвэл чувствовал себя особенно неловко. Присутствовавшие при этом два офицера островной полиции тут же удалились, опасаясь стать свидетелями светского скандала. Слишком уж хорошо известен им был буйный нрав шефа.

– Хотите услышать от меня то же самое, мистер Нэвэл? – несколько смягчил ситуацию генерал.

– Я служу не ради чинов.

– Какая апостольская святость! А я, извините, ради... Иначе никогда не дослужился бы до генерала. И не делаю из этого тайны. – Генерал нежно потрепал свою спутницу, дескать, воспринимай это как шутку! – Кстати, через несколько месяцев на острове, впервые в его истории, состоятся выборы губернатора. Эта должность только что введена указом президента страны. Подумайте, подполковник, найдется ли на Рейдере более достойная кандидатура.

– И более прелестная, – добавил Нэвэл, поняв, что, в конце концов, девица разбередила ту его рану, упрекнуть в которой генерала сам он не решился бы.

– Вы о ком это? – побагровел теперь уже генерал.

– О мисс Грей, естественно.

– Ваш земляк, генерал Лейс, имел в виду свою собственную кандидатуру, – ничуть не смутилась Эллин. О выборах она слышала впервые, но что-то подсказывало ей, что генерал, в общем-то, не шутит. Иное дело, что идея могла возникнуть только сейчас, когда он ступил на остров.

– Прошу прощения, господин генерал, – еще сильнее побагровел подполковник. – В таком случае, нам не подыскать вам более надежного «доверенного лица», нежели адвокат Эллин Грей.

Теперь уже пришла пора генерала удивленно взглянуть вначале на Нэвэла, затем на адвоката.

– Это следует обсудить, – проговорил генерал, опасаясь, как бы острая на язык мисс Грей не прекратила их деловой сговор самым саркастическим образом. – Но лишь в том случае, если Эллин... в принципе не возражает, – продолжил он разговор, уже войдя в кабинет начальника полиции.

– Иначе не было смысла прибывать сюда, – вновь улыбнулась Эллин подполковнику Нэвэлу. – Уверена, что мы сумеем справиться со всеми нашими проблемами, если будем действовать сообща, и куда более решительно, нежели до сих пор. В этом секрет успеха, господа.

В этом, да еще в талантливо продуманных сценариях наших постановок на подмостках жизни, подмостках бытия. Но это уже поручите мне.

– в этом деле, подполковник, мисс Грей настоящий гений, – подтвердил Вильям Лейс, вспомнив все то, что ему было известно об Эллине из полицейского досье, которое, сразу же после знакомства с девушкой, он постарался не только прибрать к своим рукам, но и частично опустошить.

– И вообще, почему бы не взглянуть на меня, как на будущего вице-губернатора острова? – не растаяла от его похвалы Эллине Грей. – Надеюсь, такая должность в этом океанском губернаторстве предусмотрена?

– Увы, нет! – опешил от ее наглости генерал. – Вводится лишь должность помощника.

– Ничего, как только станете губернатором, тут же введете пост вице-губернатора. И назначите меня. Не исключено, что со временем остров Рейдер получит особый статус. Что-то вроде автономной заморской провинции.

Полицейские попытались улыбнуться, но, перехватив жесткий, целеустремленный взгляд Эллине, воздержались от этой несерьезности. А подполковник поспешил открыть бутылку красного «Калифорнийского».

Еще несколько минут назад, встречая генерала, подполковник опасался, что тот прибыл с одной целью – предупредить, что в ближайшее время он, Нэвэл, будет отстранен от должности. Подполковник не возражал, для такого решения действительно имелось достаточно оснований. И почти уверен, что именно так заместитель министра и был настроен. Однако ход его мыслей спутало неожиданное вмешательство Эллине, защитницы писателя Шеффилда.

– Единственная сложность, которая может возникнуть при назначении вас на пост вице-губернатора, так это отсутствие на Рейдере вашей недвижимости, – молвил подполковник.

– И вы не сможете помочь ей в этом?! – удивился генерал, давая понять, что принял условия их корпоративности.

– Сделаем все возможное, господин генерал! – подтянулся Нэвэл, пока еще плохо представляя себе, в чем, собственно, в данном случае, может заключаться его помощь.

– Тем более что вам, Нэвэл, и самому следует позаботиться о всякой там недвижимости, поскольку министр уже твердо намерен предложить вам пойти в отставку. Этому же добиваются и ваши недруги из сената и государственного управления полиции.

Наступило некоторое замешательство. Ни Грей, ни, тем более, подполковник не ожидали, что Лейс выпалит это прямо сейчас и с такой вот, обескураживающей, прямоотой. Момент-то выдался самый неподходящий.

– Ничего, мы тут же позаботимся, чтобы, после ухода с нынешнего поста, подполковник Нэвэл – простите, к тому времени уже полковник, – тут же был назначен начальником нашей островной тюрьмы «Рейдер-Форт», – вновь неожиданно вмешалась Эллине Грей.

– Вы в самом деле стремитесь к этому?! – удивленно поинтересовался генерал, обращаясь к хозяину кабинета.

– Если говорить откровенно, да. Но понятия не имею, от кого узнала об этом мисс Грей. И потом, министр вряд ли...

– Министра мы уговорим, – улыбнулась Грей, поднимая бокал с вином. – За нашу дружбу, господа, способную пленить и не такие острова, как Рейдер.

Генерал и подполковник опустошали свои бокалы слишком медленно и почти не отрывая взглядов друг от друга. Каждый из них пытался понять, что здесь, собственно, происходит. Во всяком случае, генерал уже начал подозревать, что Эллине Грей давно знакома с подполковником и что в его присутствии разыгрывается спектакль, призванный воздействовать на психику столичного чиновника.

Что же касается подполковника, то он даже не сомневался, что именно такой спектакль и разыгрывает сейчас в его кабинете генерал, а эта непонятно откуда явившаяся девица всего

лишь удачно подыгрывает ему. Причем самое странное, что пока что подполковник смутно представлял себе, какая же роль отводится лично ему. И что должно произойти за «кулисами», что его ждет там, когда опустят занавес.

– Так все-таки вы действительно хотели бы стать начальником тюрьмы, подполковник?

– Какой полицейский Рейдера не согласился бы занять эту должность, господин генерал? Традиционно сложилось так, что хозяин «Рейдер-Форта», по существу, становится хозяином острова. Тюрьма дает работу многим его жителям. При нашей-то безработице. Иное дело, что нынешний ее начальник, полковник Согред, с его неуживчивостью и непрактичностью, не умеет использовать свое положение.

– Но стоит ли усугублять его нерасторопность? – приободрила их обеих Эллин, рассматривая на свет содержимое своего бокала. Намечалось нечто интересное. Завязывалась некая странная интрига, возникавшая совершенно неожиданно и буквально из ничего. А всякая интрига возбуждала и вдохновляла ее. – Вы, подполковник, станете начальником «Рейдер-Форта», отставной генерал Лейс – губернатором острова и сенатором островитян. Я же приобрету во владение все то, что можно будет приобрести в поселке Последнее Пристанище. Насколько мне известно, отель «Последнее Пристанище» и двадцать домов уже подлежат продаже, поскольку их владелец слишком стар, чтобы взглянуть на свои финансовые проблемы по-новому и решить их радикальным образом. Другой домовладелец тоже почти разорен. Два его ресторанчика едва влачат существование. Хотите сказать, что моя информация слишком скудна и неточна, подполковник?

– Если и неточна, то всего лишь в нескольких нюансах, мисс, – проникался Нэвэл все большим уважением к этой женщине. И даже почувствовал, что начинает опасаться ее.

– Так вот, титул владелицы поселка Последнее Пристанище, соединенный с тогда уже совершенно логично доставшимся мне титулом вице-губернатора, вполне устроил бы меня.

– Вы настолько состоятельны, Эллин, – поползли вверх брови генерала, – что готовы купить весь поселок?

– Надеюсь стать состоятельной. В ближайшее время. Разве что вы хотите все это подарить мне?

Если бы на это «ближайшее время» сослался кто-либо иной, его обещание вызвало бы у заместителя министра скептическую ухмылку. Но в устах Эллин Грей ссылка прозвучала на удивление убедительно. Как ни странно, генерал (уже прославившийся в столице тем, что не верил никому, никогда и ни при каких обстоятельствах; не верил не только клявшемуся на Библии, но и самой Библии) – не верить Эллин Грей не решался. Что-то магическое чудилось ему в глазах, словах и в самом облике этой женщины.

– Будем исходить из того, что при овладении Последним Пристанищем нам может пригодиться все ваше влияние, мисс Грей.

– Как и мое досье на всех трех владельцев недвижимости этого поселка, – осмелел Нэвэл, вновь берясь за бутылку с вином.

– Я так полагаю, господа, – молвила Эллин вместо тоста, – что нам конечно же вряд ли удастся соперничать с сицилийской мафией, да мы и не ставим перед собой такой цели. Но все же три юриста, два из которых еще и являются высокопоставленными полицейскими, – достаточно мощная сила, способная противостоять любым превратностям судьбы, не нарушая при этом ни одного из существующих законов.

Полицейские промолчали, однако бокалы свои опустошали с явным одобрением.

– Если вы действительно решили стать владелицей поселка Последнее Пристанище, – приободрился подполковник, – тогда начнем действовать немедленно.

– И действуйте, господин Нэвэл, действуйте! Но, для начала, я приобрету в частную собственность электрический стул, на котором казнят знаменитого писателя-убийцу Шеффилда, – впервые напомнила Грей о том, формальном, поводе для своего визита на Рейдер.

Полицейские сдержанно улыбнулись. Шутка показалась мрачноватой, но достаточно пикантной.

– Вы тоже считаете, что Шеффилд должен быть казнен? – спросил подполковник. При этом он взглянул на генерала.

– Вам, мистер Нэвэл, – мгновенно парировал Лейс, – известно, что решаем не мы, а суд.

– Даже я, новый адвокат Шеффилда, не вижу причин для того, чтобы усердствовать в ходатайствованиях о помиловании этого негодяя. Мало того, сделала все возможное, чтобы в этом помиловании ему было отказано. Я достаточно откровенна с вами, господа полицейские? То есть меня интересует, достаточно ли я откровенна для того, чтобы мое мнение осталось конфиденциальным?

– Вполне, мисс Грей, – заверил Нэвэл. – Признаться, я был убежден, что, как адвокат, вы прибыли сюда, дабы употребить все возможности, всю свою привлекательность и спасти этого «мастера пера и топора».

– И я – тоже... – подтвердил генерал. От удивления у него даже челюсть отвисла.

Он ожидал услышать от Эллин Грей какое угодно признание, только не это. Уж он-то прекрасно знал, что Грей давно была не только адвокатом Шеффилда, но и – как следовало из досье, которое так и не стало достоянием гласности и суда, – его любовницей, и даже личным секретарем. Правда, никаких прямо компрометирующих ее фактов обнаружить не удалось. В связи с этим сам министр внутренних дел потребовал не усложнять процесс по скандальному делу Шеффилда весьма сомнительными обвинениями в адрес его адвоката. Оно и так, само по себе, достаточно сенсационно. Странная, конечно, мотивация, однако прозвучала-то она из уст самого министра!

– Но, что касается Шеффилда, – вновь заговорил Лейс после томительного молчания, – то в министерствах внутренних дел и юстиции того же мнения, подполковник.

– Я доведу его до сведения заместителя прокурора округа, который является представителем закона на острове, – с солдатской прямоотой заверил гостей Нэвэл. – Уверен, что, узнав о нем, мистер О'Ннолен не станет относиться к Шеффилду с меньшей ненавистью, нежели относился до сих пор.

– Да и начальник тюрьмы, тоже балующийся сочинительством, не станет упорствовать в стремлении хоть как-то затянуть агонию своего коллеги по перу, – намекнула Эллин.

– «Коллеги»?! Вы всерьез утверждаете, что Согред тоже способен сочинять романы? – поперхнулся вином генерал.

– Они с Шеффилдом вместе начинали. Согред всегда жутко завидовал своему более удачливому собрату. Собственно, мне известно о Согреде столько, что не думаю, чтобы мое появление на Рейдере хоть как-то облагородило его островную жизнь. Хотя лично я никаких претензий к нему не имею.

– Ни я, ни подполковник Нэвэл не сомневаемся в этом, – поспешил заверить ее генерал Лейс. – За ваше прибытие на Рейдер! – провозгласил он, торжествующе поднимая бокал над головой. Он надеялся еще сегодня провести часок-другой в постели с Эллин Грей, а потому согласен был разделить любое ее мнение.

4

Три мощные серым вулканическим булыжником улочки городка Рейдер-Тауна зарождались у порта и змееподобно расплзались по склонам трех холмов, в клочья растерзывая все встречающиеся им на пути хаотические скопления домишек и плетевая переулков.

Определив, что одна из них уводит к стенам крепости, Собиратель Житейских Причуд, не колеблясь, свернул на нее, намереваясь немедленно приступить к осуществлению своего замысла. Уже на берегу он распрощался с Адмиралом очень сдержанно, однако выяснил, что Последнее Пристанище находится в трех милях от крепости-тюрьмы, на северной оконечности острова. Поначалу Грюн не был уверен, что навестит его, но все же так, на всякий случай, поинтересовался всем, чем только можно в подобных случаях поинтересоваться.

Несмотря на то что близился полдень, улочки городка оставались такими же унылыми и безжизненными, как и все прочее на этом островке – прибрежные скалы, холмы, высокие башни крепости, даже непомерно разжиревшие на рыбном мелководье, молчаливые чайки...

«Спасенным морякам этот остров еще долго напоминал затерянный посреди океана плот, на котором они каким-то чудом выжили, – мысленно вывел Эвард первые строчки своего будущего рассказа об обитателях Последнего Пристанища. – И было очень трудно поверить, что и на сей раз им удастся выжить, теперь уже на острове Рейдер».

Дважды повторив про себя неожиданно явившиеся ему фразы, Грюн пришел к выводу, что они не так уж и плохи, тем не менее начало должно быть иным. К тому же писать он собирался не о поселке, который пока что интересовал его лишь постольку, поскольку...

На минутку Эвард все же остановился у небольшого двухэтажного отеля «Норд-вест» и даже заглянул в полумрачный, пахнущий провинциальной несвежестью вестибюль, однако решил, что с поселением успеется. Не так уж много здесь должно быть приезжих, чтобы опасаться, что останешься на улице. Прежде всего, он намеревался нанести визит начальнику тюрьмы. Причем сделать это в его офисе, дабы не напрашиваться в гости. От капитана «Странника морей» Грюн уже знал, что следующий заход суденышка в гавань Рейдера планируется через неделю, и он не мог вернуться на его борт, а значит, оставить сей «потусторонний островной мир», не добившись цели.

Дежурный охранник, томно зевавший за пуленепробиваемой стеклянной перегородкой в приемной канцелярии тюрьмы, воспринял появление визитера без особого любопытства.

– Может, вы все же обратите на меня внимание, сержант? – вызывающе повысил голос Эвард.

– По вопросам свиданий с заключенными, а также условий их содержания принимает заместитель начальника тюрьмы мистер Коллин, – безинтонационным, механическим голосом просветил его охранник. Эту фразу он повторял уже тысячу раз, и она потеряла для него всякий смысл.

– Какая словесная расточительность!

– Если только он вообще принимает кого-либо, – добил сержант визитера все тем же ленивым равнодушием, не позволив ему и рта раскрыть. – Причем поторопитесь пользоваться его добротой, ибо в пятницу мистер Коллин уходит в отставку.

– Я не по вопросу о свиданиях, – сухо осадил его приезжий. – Доложите начальнику тюрьмы, господину Согреду, что его желает видеть писатель Грюн Эвард.

– Случается и такое, – едва заметно склонил голову охранник. – Кто только ни попадал сюда – и писатели, и артисты-комики да художники-гомики...

– Грюн Эвард, – жестко повторил пришелец. – Не забудьте назвать именно это имя.

– Мистер Эвард писатель?.. – уточнил сержант, и вдруг поморщился так, что даже огромная, отливающая желтизной лысина его зашлась рябью морщин и стала похожей на неожиданно оголившееся полушарие мозга.

– Мистера Согреда моя профессия удивит намного меньше, нежели вас, – сдержанно втемняивал в это «полушарие» Эвард, намекая, что давно знаком с его шефом.

– Это я к тому, что один писатель у нас уже есть. Не тюрьма, а камерный пен-клуб!

– Так вы доложите или нет?! – не стал вникать в смысл его слов Эвард. Однако отметил про себя: «Этот, по крайней мере, догадывается о существовании пен-клуба. Неслыханная в полицейских кругах начитанность».

– Само собой, сэр, – вновь с демонстративной вежливостью склонил голову дежурный, берясь за телефонную трубку. – Сюда, в общем-то, и журналисты уже давно не суются, поскольку мистер Согред отвадил их.

Доложив начальнику о пилигриме, он с минуту сидел, прижав трубку к уху, и озадачено глядел на Эварда.

«Неужели Согред постарается „не вспомнить“? – занервничал тот. Собственно, ему безразлично, до какой степени начальственных амбиций созреет сам начальник тюрьмы, лишь бы помог осуществить задуманное. – Вдруг сработает профессиональная зависть, это проклятие всего творческого люда? Но у Согреда нет причин... Впрочем, причины всегда отыщутся».

* * *

Невнятные размышления Грюна были прерваны появлением самого Роя Согреда. На лестнице, ведущей со второго этажа, возник приземистый, непомерно широкоплечий господин лет сорока пяти, в довольно заношенном сером костюме, и с безбожно растрепанной копной рыжевато-седых волос, часть из которых закрывала его на удивление узкий лоб и спадала на глаза.

«Похож на давно нестриженого фюрера, перенесшего истерический шок после Сталинградской битвы», – ударился в спасительную образность Эвард, чтобы как-то излить неожиданно нахлынувшую на него неприязнь к Согреду. Хотя... почему неожиданно? Эту желчную неприязнь он ощущал постоянно, еще со студенческих лет. Она стала частью его памяти, его существования в литературном мире.

– Неужели это ты, Грюн?! – ошарашено признал в нем друга юности начальник «Рейдер-Форта». Причем умудрился сделать это еще со середины пролета. – Черт бы тебя побрал! Ты в качестве кого сюда: инспектора, журналиста, нет, узника? Обычно моих старых знакомых доставляют сюда в наручниках.

– В чем проблема? Прикажи своему сержанту. Стоит ли нарушать традицию?

– Писатель Грюн Эвард! – не слушая его, предавался изумлению Согред. И в былые годы их знакомства никаких диалогов Рой не признавал. Мирился только с одной формой общения – монологом, демонстрируя полное безразличие к тому, что пытается поведать ему собеседник. – Сколько раз еще там, в литературном «Клубе бессмертных», мы мечтали о дне, когда нас станут представлять столь скромно и лаконично: «Известный писатель, лауреат Нобелевской премии...» – проговорил начальник тюрьмы, жестом приглашая посетителя подняться вместе с ним наверх.

– С определением «известный» я бы и сейчас не торопился.

– Молчи и внемли. Из всех двадцати двух литературных «выкормышей» старого маньяка, профессора Краузе, призрачные рубежи этого признания преодолел только ты.

– Однако до Нобелевской дело пока не дошло, – вяло огрызнулся Эвард, шествуя впереди Согреда. – Но рад, что ты заговорил о клубе, Краузе и всяком прочем былом. Только что в стране объявлен конкурс на лучший детективный рассказ. Слыхал об этом?

– Пока что подобной информацией не обладаю.

– Странно. О конкурсе сообщали чуть ли не все газеты нашего благословенного государства Фриленда.

– Стало быть, читаю только те, где о подобных «утешительных заездах» не сообщается. Тем не менее я принял к сведению: объявлен конкурс... Но как он связан с твоим визитом на остров, да к тому же – в тюрьму? Если станешь утверждать, что прибыл, чтобы взять меня в соавторы, – не поверю.

– Тебя? Нет. Мы оба слишком самолюбивы, чтобы делить с кем бы то ни было лавры победителя. Даже если делить приходится между собой. Тем более что награда предельно заманчива и неожиданна.

– Какая же? – спросил Согред, открывая дверь своего кабинета, и Грюн ощутил, что его сообщение уже по-настоящему заинтриговало бывшего одноклубника.

– Полтора миллиона долларов.

Согред удивленно взглянул на пришельца, как бы выверяя его слова на правдивость, затем слегка поморщился и задумчиво покачал головой.

– На первый случай неплохо.

– Но это еще не все. Существует приз федерации творческих союзов Фриленда. И приз этот – вилла в городке Голд Парнас, на берегу океана, где обычно селится столичная творческая элита. Шикарная вилла в виде творческой мастерской. Плюс издание сборника детективов лауреата за рубежом. Как минимум в трех странах.

Пораженный услышанным, Согред поневоле вздрогнул, встревожено как-то взглянул на Эварда, но... загадочно промолчал. Они так и стояли у двери, словно опасались, что, войдя в кабинет, развеют магию творческого состязания.

– Считаешь, что это реально? – наконец-то обрел дар речи начальник тюрьмы, нервно потирая вспотевшими ладонями накладные карманы пиджака.

– Что у тебя вызывает сомнения?

– Слишком уж щедро. Особенно это касаетсявиллы.

– Мне тоже так показалось, но таковы условия.

Согред пропустил собрата по бессмертию впереди себя в столь же большой, сколь и безвкусно обставленный кабинет, одно зарешеченное окно которого выходило на тюремный двор, другое – на кладбище.

– Но в принципе, в принципе, это... реально?

– О сумме и вилле в качестве приза, как ты понимаешь, забочусь не я. Это проблемы учредителей.

– Я не о призах, – поморщился Согред. – Существует ли возможность пробиться к ним? Слишком уж плотной стеной восстает перед всяким жюри старая литературная гвардия.

– Спроси о реальности чего-то более близкого нам, например, удастся ли создать нечто достойное внимания столь достойного жюри?

– Но условия предусматривают вторую и третью премии? Какие-то утешительные призы?

– Десять лучших рассказов составят своеобразную антологию фрилендского детектива.

– То есть победитель получает все, остальные же конкурсанты оспаривают места в табели о рангах и бокал вина – из рук вновь коронованного, – мрачно согласился с таким подходом Согред. – Справедливость профессионалов. Если только в искусстве правомочно такое понятие, как «справедливость».

– Разве нет?

– Лично я разуверился в этом.

– Прости, Рой, но профессионал – истинный профессионал – не должен разуверяться. Иначе, какой же он, к дьяволу, профессионал?

– Он не должен разуверяться в таланте и в своем ремесле. Мы же речь ведем о справедливости тех, кто оценивает его труд.

– В таком случае, вопрос: что такое «справедливость»... в понимании профессионала?

– Кажется, мы отвлеклись. Или же попросту увлеклись.

5

В лучший отель Рейдера «Островитянин» ее доставляли на служебной машине начальника полиции в сопровождении двух мотоциклистов эскорта.

Увидев Эллин в обществе генерала, – появление которого на этом отдаленном острове было такой же сенсационной редкостью, как и появление НЛЮ, – владелец отеля, тучный полусонный грек, истолковал это, как признак коммерческого возрождения своего бизнеса. Персоналу тут же было приказано обслуживать мисс Грей по высшему разряду, словно губернатора округа. Тем более что и поселили ее в том же номере, в котором обычно селили губернатора и высоких гостей Рейдера.

– Десять суток вашего пребывания в этом Эдеме уже оплачено, – попытался удивить свою спутницу генерал Лейс, как только они остались в номере вдвоем. – Но если вы решите, что должны задержаться в «Островитянине» на более длительный срок...

– ...То мое пребывание оплатит сам хозяин отеля, господин Николадис.

– Мне бы этого не хотелось, – отчаянно покачал курчавой неаполитанской головой генерал. Этот рослый сорокалетний красавец вобрал в себя кровь англосакса и неаполитанки и теперь представлял собой захватывающий воображение уникум – с темными курчавыми волосами, смугловатой кожей и удивительно голубыми, затянутыми томной поволокой глазами.

Бывший тяжелоатлет, увлекавшийся к тому же восточными единоборствами, сдержанный и мужественно добродушный, он представал перед Эллин воплощением того мужчины, о котором только и способна была мечтать. В жизни своей она увлекалась множество раз, но лишь теперь чувствовала, что увлечена по-настоящему, всерьез. И даже не пыталась скрывать этого. Иное дело, что Эллин никогда не воспринимала свои увлечения, как... любовные. В конечном итоге все они оказывались сексуально-деловыми.

– Вы что-то там произнесли насчет выборов на пост губернатора острова, – сомкнула девушка руки на шее Лейса. Они знакомы были всего два месяца. Но впервые вот так же она сомкнула руки у него на шее и обхватила ножкой его ноги уже во время первого визита, через двадцать минут беседы. И для этого генералу вовсе не понадобилось соблазнять Эллин. Все произошло как-то само собой, они попросту потянулись друг к другу, словно истосковавшиеся по давнему партнеру любовники.

– Эту должность – губернатора острова – только что ввели. Причем губернатор одновременно является мэром Рейдер-тауна и поселка Последнее Пристанище.

– Не думаю, чтобы при всем при этом он оказался слишком уж перегруженным заботами.

– Что лично меня вполне устраивает.

– Хотите благодаря губернаторскому креслу добраться до кресла сенатора?

– Министр вынужден будет уйти в отставку еще до конца этого года. Мне же придется последовать за ним. Да и все остальные члены правительства продержатся не дольше. Это почти предрешено.

– Теперь вы понимаете, почему я до сих пор не оказалась ни в одном из министерских кабинетов? – воинственно подбоченилась Эллин.

– Что и привело к падению всего кабинета министров, – подыграл ей генерал. Он конечно же чувствовал, что за этой красавицей водятся такие грешки, которые вряд ли позволят ей мечтать о министерском портфеле. Впрочем, теперь сама эта гипотетическая возможность его уже не интриговала.

– Вас действительно влечет этот клочок островной земли, и вы всерьез считаете, что должны вернуться на него?

– Чтобы затем обязательно стать сенатором. Но вначале я хочу овладеть этим островом как завоеватель – представшей перед ним крепостью.

– Такие устремления мне нравятся. Именно такие, мой генерал, – да. Ну и как, уверены, что достигнете своей цели?

– Если с вашей помощью, то конечно же буду уверен.

Эллин улеглась поперек высокой кровати и принялась медленно сползать с нее, оголяя полные, налитые ноги, от которых генерал не мог оторвать глаз.

– Вы еще не подтвердили готовности возглавлять мою предвыборную команду, мисс Грей, – неуверенно промямлил он, понимая, что говорить в эти минуты следует о чем-то другом, а еще лучше – молчать.

– Это обязательное условие, при выполнении которого вы только и согласны предаться мужским развлечениям?

– Просто мне показалось, что ваше пребывание на рейдере бессмысленно. Шеффилда вам все равно не спасти. А иной цели у вас нет. Как не возникло и какого-то особого замысла, способного захватить вас, сконцентрировать вашу энергию. – Лейс приблизился настолько, что колени его соприкоснулись с коленями женщины.

– Как знать, господин полицей-генерал, как знать?! – загадочно повела головой Эллин. – Но предложение мне нравится. Уверена, что мы прекрасно сможем дополнять друг друга. Есть на острове кто-то, кто способен помешать вашему восхождению на рейдерский трон?

– Если и не помешать, то слишком уж откровенно завидовать.

– Смелее, господин генерал, – подбодрила его Эллин после затянувшейся паузы. – И относительно имени вашего врага, и вообще...

– Это начальник местной тюрьмы, полковник Согред. Не скрою, в столице у него появились влиятельные друзья. В их числе – генерал полиции, готовящийся сменить нынешнего министра, и полковник, который наверняка станет его заместителем.

Генерал присел на кровать рядом с Эллин, и рука его углубилась в одежды.

– Тогда вопрос: в чем интерес Согреда? – Деловой тон не помешал женщине обхватить рукой шею генерала и привлечь к себе с такой страстью, словно все последние годы своей жизни она только и ждала этой встречи. – В министры ему не пробиться, генерала на этой должности не дают.

– Он и сам не прочь стать губернатором. А уж затем – сенат и, кто знает, возможно, кресло министра. Вдобавок ко всему – личная неприязнь. Несколько стычек.

– И каков же видится выход, мой полицей-генерал?

– Разве что дискредитировать его. – Лейс пристально взглянул на Эллин, как бы вопрошая: «А ты способна заставить этого человека уйти с дороги?» – Но каким образом?

– Ну, существует множество вариантов, благодаря которым можно дискредитировать не только начальника тюрьмы «Рейдер-Форт», но и апостола Петра, покровителя папского престола. Что же касается Согреда, то он слишком тесно связан с Шеффилдом. Их дружба основана на увлечении литературными упражнениями. Они, конечно, оба законченные бездари, но в данном случае нас интересуют не их таланты, а их пороки, разве не так?

– Я бы сказал определеннее: нас с вами, Эллин, они оба не интересуют. Ни в каких ипостасях.

Минуты их любви в номере отеля были такими же сумбурными, как и когда-то минуты любви в служебном кабинете генерала. Предаваясь то ласкам, то грубому сексу, они не могли избавиться от ощущения, что из-за нахлынувшей на них страсти не успели сказать друг другу что-то очень важное, что способно повлиять на их восхождение к цели. Каждого – к избранной им цели.

– Возможно, в постели мы не самые лучшие партнеры, – предположил генерал, когда страсти по Адаму и Еве несколько поугасли. – Но в прочих греховных делах мы друг другу несомненно пригодимся.

– Ход ваших рассуждений нравится мне еще больше, чем, собственно, вы сами, – ответила Эллин комплиментом на комплимент. Она действительно чувствовала себя слегка увлеченной этим мужчиной, но по опыту знала, что никакое, даже самое сильное, увлечение долго удерживать ее не может. Буйная фантазия и еще более буйная натура Грей требовали все новых и новых авантур и в любви, и в делах. Но именно в авантюрах этот генерал полиции мог оказаться ее надежным партнером.

«В любом случае, он мне еще пригодится», – решила для себя Эллин, одаривая генерала нежным поцелуем прощания.

6

Эварду нетрудно было уловить горький привкус признания Согреда. В свое время Рой слыл самым многообещающим в «Клубе бессмертных», организованном доктором словесности Дитрихом Краузе при редакции журнала «Фрилендс Олимпик». Именно он считался непризнанным гением этого элитарного, как они считали между собой, собрания; именно он первым вкусил славы от публикации рассказа на страницах «Фрилендс Олимпик», чего так и не добился никто иной из их благословенного богами сборища – слишком уж суровы были редакторы к своим младовозрастным собратьям. Он же первым предложил вниманию «бессмертных» и рукопись сборника рассказов. Что и говорить, Согред был тогда на взлете.

Но в том-то и дело, что он, Грюн Эвард, оказался среди тех троих, что разнесли его рукопись в клочья. Это был удар, после которого Рой так и не смог прийти в себя. Единственное, на что у него хватило мужества, так это сохранить хоть какую-то видимость дружбы с Грюном. Который тоже делал вид, что ничего особенного не произошло. Однако все это в прошлом...

Усадив Эварда в углу кабинета, за столик, предназначенный для неофициальных бесед, Согред отключил телефон, извлек из сейфа бутылку коньяку и тоже подсел к нему.

– Ты ведь знаешь, что я сам сошел с этой чертовой дистанции, – мрачно произнес он, наполняя рюмки. – Спринтер, позарившийся на лавры марафонца... Обычная история.

Услышав это, Эвард беззвучно вздохнул и, опустив узел галстука, непозволительно расслабился. На такой «джентльменский уговор» он и рассчитывал, решаясь направиться в вотчину Согреда.

– Думаю, что нам нетрудно понять друг друга.

– Я сам сошел с нее, Грюн! Я хочу, чтобы ты поверил мне на слово.

– Мужественное решение. Не знаю никого больше из «Клуба бессмертных», кто бы решился на такой шаг. Хотя последовать стоило бы многим. В том числе и мне.

Эвард помнил, сколь старательно Согред следил за тем, чтобы никто из литературного окружения не забыл о добровольности его ухода, не усомнился в нем. Хотя к тому времени в одном из журналов уже был опубликован его третий рассказ, Согред все же явился на заседание клуба и решительно заявил: «С литературными экспериментами покончено. Я ухожу из клуба и не пишу больше ни строчки. Отныне меня интересует только юриспруденция».

Доктор Краузе и все они, «литературные несмышлениши», как иногда позволял себе называть питомцев президент клуба, только рты разинули от удивления.

«Не дури! – успел бросить вслед ему Эвард, все еще считавший, что вправе давать Рою советы. – Все равно вернешься. Не в наш клуб, так в другой. Мы обречены на эту страсть. Мы на нее – обречены!»

«Это-то меня и задевает, черт возьми, – процедил сквозь зубы Согред, уже стоя в дверях. – Я не желаю зависеть от каких-либо страстей. Это вы всю жизнь будете ползать у ног своей славы, чтобы на смертном одре открыть для себя, что потратили жизнь впустую».

Эвард был уверен, что в эти минуты Рою являются те же видения из прошлого, что и ему. Вот только истолковывают они их по-разному.

– Теперь уж не многие помнят, что я, как никто из них, мог рисковать на литературном поприще, – первым нарушил установившееся тягостное молчание начальник тюрьмы. Слишком уж болезненные воспоминания вызвало у него неожиданное появление на Рейдере одного из счастливиц «Клуба бессмертных». Все, от чего он так долго и яростно отрекался, вдруг ожило в нем и вонзилось в душу змеиным жалом.

– Почему же, помнят. Во всяком случае, те, кто хотел бы помнить такое, – неуверенно возразил Грюн. – Но ты ведь знаешь: после смерти Дитриха Краузе, «Клуб бессмертных» рас-

пался. Встречаемся теперь крайне редко, да и то на страницах журналов или на книжных полках.

Они опустошили рюмки, зажевали хмельную горечь солеными орешками, и Рой вновь взялся за бутылку.

– Так что тебя привело сюда? – вдруг не очень-то дружелюбно спросил он, умудрившись слегка охмелеть уже после второй порции.

– Мне казалось, что так никогда и не задашь этот вопрос.

– Любой вопрос должен быть своевременным и уместным. Имеется принципиальное возражение?

– Я уже говорил о конкурсе...

– Конкретнее, Грюн, конкретнее.

– Мне нужен смертник.

– Кто?! – хмельно уставился на него начальник тюрьмы. – Кто тебе нужен?!

– Я сказал: «смертник». Ты ведь знаешь, что я последовательный и убежденный сторонник психологического натурализма.

– Откуда мне знать? В «Клубе бессмертных» такого термина не существовало.

– Тем не менее меня провозгласили «основателем психологического натурализма в малом жанре».

– Кто это тебя... «провозгласил»? – Согред становился все более нетерпеливым, и Грюн Эвард метался в словесных формулах, как птенчик в клетке, не зная, каким образом вернуться к главному в их разговоре.

– Об этом писали в «Литературном обозрении Фриленда», – объяснил он, едва сдерживая раздражение.

– Я давно не читаю этой погани!

– Рой, мы не о том говорим. Вспоминая о психологическом натурализме, я всего лишь хотел объяснить, что, собственно, заставило меня обратиться к тебе, начальнику тюрьмы.

– А как ты вообще узнал, что я осел в Рейдер-Тауне? Ты ведь обитаешь на другом конце Фриленда, почти на другом конце света. – Теперь он налил коньяку только себе и выпил его, начисто забыв о святой обязанности хозяина заботиться о госте.

– Совершенно случайно. Позвонил какой-то человек. Нагло заявил, что прочел мой новый сборник. А потом спросил, знаю ли, где обитаешь ты. Поначалу я решил, что он попросту хочет разыскать тебя, и ответил, что понятия не имею. Он рассмеялся и сказал: «Теперь Согред – крутой босс. Начальник тюрьмы „Рейдер-Форт“, прозванной „тюрьмой смертников“. Можете послать ему свою книгу с автографом на остров Рейдер. Правда, от зависти он побрезгует даже использовать ее в качестве туалетной бумаги, тем не менее будет счастлив».

– Кто это мечется между тобой и мною, как матадор между разъяренными быками? В чем его интерес?

– Трудно сказать. Представиться не удосужился. Намерений не выдал.

– Тогда к чему ты рассказываешь мне всю эту дурацкую историю? – пожевал нижнюю губу Согред. – Искать меня тоже не следовало. Ни при каких обстоятельствах. Ни при каких! Понял ты, выкидывай психологического натурализма?! Ну ладно, ладно, пошутил. Кто-то, очевидно, знал, что ты увлекаешься психологическим этим самым... И точно рассчитал, что клюнешь на подсунутый тебе адресок, прибудешь сюда. Что ты так смотришь на меня?

В этот раз Грюн Эвард сам наполнил свою рюмку, но, поднеся ее ко рту, замер.

– Послушай, Рой, а ведь мне и в голову не приходило, что звонок может быть «подкидным». Кому-то действительно понадобилось свести нас на этом острове, здесь, в тюрьме «Рейдер-Форт». Как это ты сообразил?

– Что тут удивительного? – уже спокойнее, благодушнее пожал плечами Согред. – Я ведь начинал с детективов. К тому же всю жизнь проработал с преступниками. Меня буквально распирает от детективных сюжетов.

– Однако публиковал же ты не детективы.

– Ну и что? Все равно я весь переполнен кошмарными историями, которые так и просятся на бумагу. Ты не представляешь себе, какое мужество понадобилось, чтобы удержаться от соблазна. Но это разговор обо мне. А какого дьявола взялся за детективы ты? Это ведь первый твой опыт на детективном поприще, разве не так?

– Первый.

– Неужели ты думаешь, что в нашем деле так легко переквалифицироваться? – Согред откинулся на спинку кресла и зло, мстительно рассмеялся. – Гиблый вариант, поверь моему слову. Тем не менее я тебе помогу. В пределах возможного, конечно. Но сначала ты четко сформулируешь суть своей просьбы.

«Он убедил себя, что попытка обречена на провал, и почувствовал облегчение, – расшифровал его доброту Эвард. – Это лучшее из состояний, на какое только можешь рассчитывать, общаясь с Согредом. Так пользуйся же случаем!»

7

– Мне нужен смертник. Я хочу побывать в камере смертников, а затем собственными глазами увидеть казнь. А под нее – еще бы какую-нибудь сногшибательную историю... Мне необходимо прочувствовать атмосферу этой вашей «тюрьмы смертников», проникнуться ее духом.

– Чью именно казнь? – машинально переспросил Согред.

– Да чью угодно. Я задумал рассказ о смертнике. О последних минутах перед казнью. Когда перед глазами обреченного проходит вся предыдущая жизнь. Когда он вновь и вновь покаянно прокручивает все, что связано с преступлением.

– Бред. Ни черта они не прокручивают.

– То есть?

– Одни мечутся, как звери, и бьются головой о стенки; другие впадают в такую прострацию, что уже напоминают мертвецов. К месту казни их волокут, как фантомов. Зря ты взялся за этот сюжет. Ничего ты в нем не достигнешь. Тоже мне открытие: «Прокручивают жизнь!..» Чуть!

– Подобный сюжет интересен сам по себе. И вовсе не в связи с участием в конкурсе.

– Ну да, ты ведь всегда мнил себя психоналитиком.

– Почему «мнил»? Я многое изучил... Мои критики...

– Знаю я твоих нанятых и проплаченных критиков... – прервал его Согред. – Оставим их в покое.

– Кого, конкретно, из моих критиков ты способен обвинить в «проплаченности»? – Согред заметил, как беломраморно побелела переносица Грюна, и вспомнил, что в дни молодости это тоже было признаком его приглушенного учтивостью гнева.

– Беру тайм-аут, Грюн, – ответил Рой условной фразой, которой в дни той самой молодости им удавалось гасить любые зародыши ссоры. – Ты меня сломил. Какой смертник тебе нужен: профессиональный убийца? Кретин-бытовик? Может, писатель?

– Ну, уж писатель-то у тебя вряд ли найдется.

– Признаюсь, что это диковинная редкость. Но как раз сейчас писатель-преступник у меня имеется. Не исключено, что уже в пятницу мы его казним. С убийцами Фемида и правительство Фриленда впредь решили не церемониться. Так что, может, и в самом деле остановимся на писателе?

Потягивая коньяк, Эвард настороженно разглядывал начальника тюрьмы, пытаясь изобразить его в неуместной шутке.

– Какой-нибудь сумасшедший?

– Сумасшедших у нас не казнят. Весьма спорная гуманность.

– Можешь назвать его имя? Нам с тобой оно было известно и раньше?

– В последние годы он не очень-то блистал и какое-то время жил за рубежом. Затем вернулся, взялся за детективы... Кто бы как о нем ни отзывался, а старик Краузе очень уважал его. Этого было достаточно. Ведь не кто-нибудь – Краузе!

– Черт возьми, кто это? – раздраженно допытывался Эвард. – Имя, имя.

– Том Шеффилд. – Согред выдержал паузу, чтобы выяснить, какую реакцию вызвало у гостя его сообщение.

– Шеффилд?! – осевшим голосом переспросил Эвард. И неожиданно для самого себя, впервые за весь день, рассмеялся. – Брось!

– Не понял. Ты что, не в курсе этой бульварной драмы?

– Совершенно.

– В «Литературном обозрении Фриленда» готовится разгромная, почти издевательская статья по этому поводу. В двух-трех газетах уже появились сообщения о следствии и суде. Неужели все это прошло мимо тебя?

– Почти два года я провел в Штатах, в Сан-Франциско.

– Мог бы сказать точнее: в Саноме, вблизи праха Джека Лондона, твоего кумира.

– Я подолгу бывал в имении Джека, ты прав. Но Шеффилд! – очумело повертел головой Грюн, словно пытался избавиться от наваждения. – За что же он осужден?

По отношению к Шеффилду Эвард никогда не испытывал ни зависти, ни ревности. Хотя одно время тоже увлекался его романами. Просто Шеффилд оставался для него тем профессионалом, завидовать которому Эвард не решался, чтобы не выглядеть маньяком. Его успехи Грюн воспринимал со смирением ученика-подмастерья.

– Как оказалось, несколько последних романов Шеффилд написал по следам убийств... совершенных им самим.

– Не оригинально, подобные примеры литература уже знает.

– И фемиде они достаточно хорошо известны. Впрочем, судьи тоже оригинальничать не стали, расценив его деяния, как проявление особого цинизма. Ни в каком ином случае они не бывают столь безжалостными, как в случае «убийства с особым цинизмом». А знаешь, как он попался? Рассказ о последнем убийстве появился за сутки до того, как полиция успела его раскрыть. Редакция обещала опубликовать творение Шеффилда лишь через неделю, но случилось непредвиденное: какую-то статью пришлось снять прямо с полосы, и было решено заменить ее рассказом живого классика, отчего номер лишь выигрывал. Вот только одному из полицейских, занятых расследованием, сюжет его показался слишком похожим и слишком правдоподобным. Словом, в профессиональном чутье отказать этому служаке трудно.

– Только ли в чутье? Не кажется ли тебе, что кто-то мог подсказать ему этот ход?

– Ясное дело, мог. Но кто? Поэтому пока что эта версия остается в области догадок. А вот то, что Шеффилд приговорен к казни, – реальность.

Несколько секунд двое «бессмертных» выжидающе глазели друг на друга.

– Том Шеффилд!.. – вновь сокрушенно покачал головой Эвард. – Писать романы по заказным убийствам, или же, наоборот, совершать убийства, основываясь на сценах из романов, фильмов, – это еще как-то объяснимо. Даже у нас, в относительно спокойном Фриленде. Но писать свои вещи по следам собственных преступлений, воссоздавать страницы кошмара из собственных убийств!..

Согред наполнил рюмки и, подняв свою, измерил Эварда откровенно циничным взглядом.

– Насколько я понял, ты тоже прибыл сюда, с желанием вдохновиться на нечто шедевроподобное. Пиршествуя при этом на жертвеннике, упиваясь трагедией очередной жертвы и очередного «во грехах падшего».

– Все прочие выдумывают такие истории, или же питаются ими, пролистывая криминальные хроники. Так или иначе, все мы похожи на стервятников, довольствующихся уголовной падалью. Если только решаемся браться за детективы. В этом суть ремесла.

– ...В этом суть его проклятия, Эвард. Что не одно и то же. Не будь я в прошлом одним из «бессмертных», выразился бы намного жестче.

– Тем не менее ты поможешь мне встретиться с Шеффилдом. Именно потому, что в свое время был членом «Клуба бессмертных» и понимаешь, насколько это важно для пробующего свои силы в детективе; насколько лично мне необходима встреча в камере смертников «с самим Шеффилдом».

8

Согред ждал подобной просьбы, готов был к ней, что, однако, не помешало ему позабыть о рюмке, пересесть за рабочий стол и, устало откинувшись на спинку кресла, задумчиво уставиться в потолок. Его молчание длилось бесконечно долго. Еще на заседаниях «Клуба бессмертных» Грюн открыл для себя, что Согред умеет держать паузу до умопомрачения, впадая в молчание, как в забытие, и совершенно не замечая, что выводит из себя всех окружающих.

Да, он знал об этой его слабости. Но похоже, что в данном случае Рой нарушил всякое мыслимое приличие.

– Видишь ли, это не будет детектив в обычном понимании, – попытался подстегнуть начальника тюрьмы. – Его герой не столько суперменствует и шерлок-холмствует, сколько проходит все этапы духовного и нравственного очищения.

– Это ты о Шеффилде?! Черта с два: «очищение»! Этого типа не способен очистить даже электрический стул.

– Да нет же, Шеффилд рассматривается всего лишь как прототип, как некая модель. Мой герой будет сотворен по образу и подобию только самого себя. На казнь он идет, как на Голгофу, – взволнованно зачастил Эвард, предчувствуя, что трагедия собрата и впрямь может оказаться для него творческой чашей Грааля. Мысленно он уже носился над телом и духом Шеффилда, словно коршун – над раненой добычей. – Вот почему важно не просто встретиться с Шеффилдом, а хоть какое-то время провести в камере смертников, почувствовать себя в шкуре ее обитателя.

– В шкуре Тома Шеффилда... Понимаю, – с въедливой грустью ухмыльнулся Согред.

– Я имел в виду смертника как такового. – Эварда уже откровенно раздражала манера начальника тюрьмы без конца придирается к словам, заставляя объяснять то, что не нуждается ни в каких объяснениях, и по этому же поводу оправдываться.

– Согласен, в таком перевоплощении из писателя в уголовника-смертника есть нечто таинственное. Уже здесь, в «Рейдер-Форте», я однажды не удержался и специально велел охраннику закрыть себя на три часа в камере смертников. Ощущение такое, словно заглянул в потусторонний мир. Меня вновь осенил великий дар перевоплощения.

– Тем более, – поддержал его Грюн, – что история, связанная с Шеффилдом, сама по себе потрясающий сюжет. А если над ней слегка поразмышлять, углубиться в психологию писателя-убийцы... Признайся: не хочется ли самому засесть за пишущую машинку?

Вопрос был задан в шутку, однако ответа Эвард ждал, как приговора. Совершенно не представляя, как повел бы себя, если бы Рой вдруг согласился принять от него полурастерзанную жертву.

– Я ведь уже сказал тебе, что сошел с дистанции – так и не блеснул утонченностью Согред. На его месте Грюн конечно же постарался бы извлечь наслаждение даже из этой ситуации. – И все! – властно прогромыхал он костяшками пальцев по массивному, как эшафот, столу. – Больше к этой теме не возвращаемся! Ни под каким предлогом! Теперь о Шеффилде... Я не имею права устраивать свидание с ним. Это не положено по инструкции, по закону.

– Опомнись, Рой! Я прибыл сюда черт знает откуда. Это там, на материке, все под жестким контролем. Ты же здесь всевластен, как китайский император.

– Иллюзии. Пойми: ты даже не журналист, – спокойно продолжил свою мысль начальник «Рейдер-Форты». – Ну имел бы удостоверение хоть какой-то газетенки – тогда совсем другое дело. На крайний случай, рекомендательное письмо. Об этом ты, конечно, не позаботился. На имя понадеялся.

– Ты меня разочаровываешь.

– Не пытайся услаждать, – прервал Рой очередную попытку гостя сыграть на давнишней дружбе, больше похожей на затаенную вражду. Терпели они друг друга с трудом, а следили за успехами – с ревностью и отчаянием. – И все же кое-что я для тебя сделаю. – Потирая пальцами седеющий подбородок, полковник Согред артистично задумался. – Представим себе, что тебя направила сюда редакция, предположим, журнала «Западное побережье».

– Это настолько правдоподобно, что вполне смахивает на правду.

– И что я поверил на слово. Кстати, знают ли в редакции хоть какого-нибудь издания, что ты отправился на Рейдер?

– Об этом не знают даже мои ангелы.

– Семейку тоже оставил в неведении?

– Жену я похоронил вслед за матерью. Детей не было. В этом мире я один, как перст. Судя по всему, состояние одиночества тебе тоже близко.

Согред прокашлялся и задумчиво помолчал.

– Словом, я признателен тебе, Рой, – избавил его Эвард от великосветских условностей.

– Постарайся быть столь же признательным Шеффилду. Пардон, о нем-то мы забыли. А ведь это от приговоренного зависит: пожелает он встретиться с тобой или не пожелает.

– Не чуди, Рой, что ему терять?

– В том-то и дело, что нечего. В мире нет страшнее людей, нежели те, кому уже нечего терять. В мою бытность заместителем начальника тюрьмы в Сан-Сьюдаде, там отсиживал свой срок некий полицейский. Коллеги были уверены в его невиновности и поначалу, из чувства солидарности, пытались напрашиваться на свидания с ним. Бывшего полицейского это приводило в бешенство. Срабатывал комплекс профессиональной вины, при котором ему легче было встречаться с сатаной, нежели со своими сослуживцами.

И все же Эвард не воспринял его предостережения всерьез. Пройдясь по кабинету, он остановился напротив Согреда и, упершись кулаками в краешек стола, убежденно произнес:

– Уверен, что в конечном итоге все будет зависеть от тебя, полковник. Шеффилд почти не знает меня. Имя, естественно, слышал, когда-то мельком виделись, но...

– Это уж точно: не знает, – не отказал себе в удовольствии Согред. – Не отчаивайся, он и писателей покрупнее чтением своим не баловал. Удивительно недалекий человек. Странно, как он вообще оказался в литературе.

– Постараюсь понять это.

Рой тоже поднялся, и на несколько мгновений взгляды их скрестились. Эвард подсознательно ощутил, что только сейчас начальник тюрьмы окончательно решился на нарушение инструкций и закона, о чем свидетельствовал его озорной, меченый отчаянным риском взгляд.

«А ведь он действительно рискует, – попытался Грюн хоть как-то оправдать Согреда. – На его месте ты бы тоже изрядно понервничал. Конечно, за „Рейдер-Фортом“ давно закрепилась слава „земного ада“. Но из этого не следует, что его и впрямь нужно превращать в ад для себя».

– Остановишься у меня, Грюн?

– Что тоже в твоей власти, – не удержался гость, не сумев прервать нить размышлений.

– Отели нынче дороговаты. А я живу один, – объяснил Согред, спускаясь к стоявшему во внутреннем двореке «мерседесу».

– Мне почему-то так и показалось.

– Даже служанка уехала прошлым рейсом «Странника...» на материк. Не знаю, как ты смиришься с едой и выпивкой в моем доме, но места для тебя хватит.

От тюрьмы до небольшого двухэтажного особняка с мезонином было метров пятьсот. Когда Эвард понял это, он рассмеялся.

– Теперь ты догадываешься, почему в столице Рейдера наберется не более десятка частных машин. Одна из них – моя, – похлопал рукой по приборной доске. – Все остальные предпочитают пользоваться машинами, взятыми напрокат, или же давно пересели на велосипеды.

– Наверное, это не самое любопытное, чему мне придется удивляться на этом затерянном посреди океана клочке суши.

9

Единственное окно комнаты, которая досталась Эварду, выходило на залив, а балкон буквально зависал над краем ущелья, в глубине которого, посреди каменного завала, зарождался едва просматриваемый отсюда, с высоты, ручеек. Пройдя на балкон, Грюн на какое-то время устался на силуэт черневшего у пристани «Странника морей», совершенно забыв о все еще маячившем в двери хозяине дома. Ностальгическая тоска, зарождавшаяся в его душе, сюрреалистически накладывалась на открывавшийся пейзаж, омрачая его красками серой безысходности, черной тоски и тревожных предчувствий.

– Как ты выдерживаешь все это, Рой? – повел он подбородком в сторону укутанного туманом хребта, возвышающегося по ту сторону залива.

– Взвешенно, – сунул руки в карманы брюк начальник тюрьмы. – Но стараюсь пореже подниматься на второй этаж и поглядывать в сторону гавани.

– Я так не смогу.

– Ты здесь всего лишь гость. Случайно прибившийся к берегам Рейдера странник морей. Если тебе и суждено умереть здесь, то не от ностальгии.

– Кто знает! Не успел ступить на остров, как уже ощущаю себя отшельником, не рассчитывающим когда-либо выбраться отсюда. Как думаешь: ностальгия?

– Или предчувствие, – беззаботно подсказал Согред.

– Один мой попутчик назвал сей остров «саваном».

– Бывший моряк? Джон Кроушед? «Саван» – из его лексикона.

– Он так и не представился. Но, судя по виду, моряк.

– Не представился! Для палачей это не обязательно.

– Так он что, – палач?!

– В прошлом – корабельный электрик. Нынче – специалист по электрическим стульям тюрьмы «Рейдер-Форт». Вполне возможно, что Шеффилд станет первым его «пациентом». Прежний палач недавно не вернулся из моря.

– ...В которое ушел с поселка смертников Последнее Пристанище?

– Уже знаешь о его существовании, – каким-то поникшим голосом констатировал начальник тюрьмы. – Весь Рейдер теперь – Последнее Пристанище. Такое впечатление, что город и остров вымирают. Всех манит материк. Кстати, разве это не сюжет: поселок моряков-самоубийц?

Согред вышел на балкон и остановился плечом к плечу с Эвардом. Он конечно же лгал. На самом деле он почти каждый день поднимался в эту комнату и подолгу стоял вот так, со смертельной тоской глядя на гавань, на пустующую пристань, возле которой единственный посланец материка «Странник морей» появлялся убийственно редко, но каждый раз – как отголосок былой жизни, упрек несбывшейся мечты и несостоявшейся судьбы. Сколько раз Рой огромным усилием воли сдерживал себя, чтобы во время очередного появления корабля не броситься в порт, не забиться под обтягивавший шляпку брезент...

И еще об одном не догадывался Грюн Эвард: давнишняя страсть так и не помиловала Согреда. Он бежал от нее на остров, куда, кажется, не доходит ни один номер «Литературного обозрения Фриленда» и куда отголоски литературной славы кумиров читающей публики достигают с таким же опозданием, как и свет давно погасшей звезды.

– А ведь тебе всего лишь сорок шесть, – предательски напомнил ему Эвард, очень точно уловив его состояние. Мы одногодки. Я, правда, тоже обитаю не в столице.

– Сорок шесть, ты прав. Что из этого следует? И вообще, о чем ты?

– Только о том, что тебе всего лишь сорок шесть. Трудно понять, что заставляет тебя прозябать на этом острове?

– Приблизительно то же самое, что и всех остальных.

– Постараешься объяснить?

– Желание бросить вызов континенту, отречься от соблазнов. Презрение к суевериям материка. Попытка утопить в ностальгии все свои переживания, превратив их в маленькие победы островитянина. Маленькие победы, политые ядом самотерзаний. Просто так, случайно, люди на Рейдере не появляются. Как не появляются они просто так в колониях прокаженных.

– Мощное сравнение, – едва слышно проговорил Эвард, стараясь не прерывать исповедь бывшего полугения «Клуба бессмертных».

– ... Всяк ступивший на остров – изгой, восставший против мира. Восставший уже хотя бы потому, что решил задержаться на больший срок, нежели тот, что отмеряется двумя приключениями судна с материка. Может, рискнешь, Грюн?

– Каким образом?

– Не уплывешь со следующим «Странником морей».

– Но ведь он придет лишь через неделю.

Согред победно рассмеялся:

– Ты произнес это, как «через год». И на корабль смотришь с такой тоской, что я не уверен, что не окажешься на его палубе еще до рассвета.

– У меня слишком мало времени, чтобы тратить его на Рейдер. Работу над рассказом попытаюсь начать уже завтра.

– Чтобы завершить к отплытию корабля, – согласно кивнул Согред.

– К отплытию вряд ли удастся. В последнее время пишется все труднее. К тому же это должен быть рассказ, способный конкурировать с лучшими произведениями столичных писателей. Нил Джекобсон, Роберт Шервуд... – все ринутся к приманке «Западного побережья». Тебе проще: ты с этого ристалища самоубийц сумел уйти.

– Будем считать, что проще, – мрачно согласился Согред. Знал бы Эвард, что в конце каждого из четырех прожитых на острове годов он посылал на материк по два экземпляра рукописи нового романа: один – в крупнейшее издательство страны «Колумбус», другой – в журнал «Западное побережье». Чтобы ровно через два месяца получить два решительных отказа, иногда с издевательскими советами заняться чем-то более полезным, нежели сочинительство.

Рой воспринимал это мужественно. Рукописи складывал в большой сундук, подаренный моряком из Последнего Пристанища, отсидевшим срок в его тюрьме, и верил, что когда-нибудь сможет опубликовать их.

Однако знать всего этого Эварду не дано было. Для Грюна он, Согред, должен оставаться «сошедшим с дистанции» – так удобнее обоим.

– Мне проще, тебе проще... – наконец-то оторвал взгляд от гавани Эвард. – А каково Шеффилду? Умирать сейчас, почти-что на вершине, пусть и не очень яркой, но все же славы!

– Кто знает, может, на вершине умирать значительно легче, нежели у бесславного подножия?

– Не утешай себя: любая вершина сама по себе разочаровывает вопиющей обыденностью. Как ты помнишь, одно время – к счастью, очень короткое – я увлекался альпинизмом... Сладость восхождения – в самом восхождении. Что тоже само по себе банально.

– В таком случае, не будем предаваться философствованиям. Принимай душ, приходи в себя... Я же отправлюсь в тюрьму. Дела. По дороге порассуждаю над тем, как скрасить твое пребывание на рейдере.

– Помня, однако, что мое появление на острове связано только с одним желанием: хоть несколько часов побыть в шкуре смертника. Никакие иные улады здешней жизни меня не интересуют.

– Ты сообщаешь мне совершенно невероятные вещи.

– Разве что... – спохватился Грюн. – У меня появилась идея, связанная с островом, точнее, с поселком Последнее Пристанище.

– Ты всегда слыл неисправимым идеалистом, – добродушно проворчал Согред, благозвучно избегая соблазна познать гениальность нового замысла коллеги. – Придется совратить тебя одной здешней женщиной.

– Мне сейчас не до женщин, у меня другая страсть – писательская.

– И все же уверен, что перед этой женщиной ты не устоишь.

10

Согред и не собирался возвращаться в тюрьму. Выехав за городок, он прокатился по пробитой по склону хребта объездной дороге и направил «мерседес» к улочке, уводящей в сторону Последнего Пристанища.

Он лихорадочно осмысливал ситуацию. Внезапное появление на острове Грюна Эварда вырвало его из прежнего, привычного течения жизни, словно водоворотом: с корнями и грунтом, за который они цеплялись. Эвард просит его ознакомить с бытом тюрьмы, дать возможность почувствовать себя смертником... Ему, видите ли, хочется войти в образ, чтобы создать нечто достойное! Что в этом его стремлении: предел наивности или предел наглости?

Когда, в начале их встречи, Грюн неожиданно поинтересовался, не желает ли он принять участие в конкурсе, Согреду показалось, что устами пришельца вдруг заговорила их студенческая дружба. Но вскоре стало ясно: Эвард, вкусивший в последние годы кое-какого признания, попросту хочет добить его, размазать по «беговой дорожке».

«А ведь он все верно рассчитал: писатели Крафт и Мелони умерли. Джордж Шарк слишком стар, чтобы и дальше выдерживать темп парнасских гонок. Наконец, вся эта история с Шеффилдом... Теперь, накануне его казни, самое время вырываться на финишную прямую Грюну Эварду».

Запрокинув голову, Согред люто, по-волчьи, взвыл. Появившись на берегах острова-савана, Грюн бросил ему вызов. Да, он, Рой Согред, заявил, что сходит с дистанции. Но из этого еще не следует, что сходит навсегда. Он мог смириться с восхождением на вершину славы кого угодно, только не Эварда. Долгое время они шли в одной связке. И если уж суждено сорваться, то лететь в пропасть бесславия и небытия должны вдвоем, так будет справедливо.

Рой прекрасно понимал: стоит Эварду победить на конкурсе, как издатели тут же начнут вырывать у него из рук все, что только было и будет написано. Нет, если уж ему, Согреду, не повелено свыше взять в этом заезде реванш, то было бы просто грешно пропустить вперед Эварда.

Уже остановившись у двери красавицы Эллин, он вновь запрокинул голову, но так и замер, уставившись широко раскрытыми глазами в усыпанное предвечерними звездами поднебесье. «Ты все время смотрел себе под ноги, забывая, что существует небо – вот в чем ужас твоего бытия». И, вместо вытья, из гортани его вырвался приглушенный тоской и безысходностью стон.

Дверь открылась раньше, чем он успел нажать на кнопку звонка.

– Вот вы и пришли, мистер Согред, – ничуть не удивилась его появлению адвокат Грей. – Могли бы сделать это значительно раньше, – подбодрила его, отступая в глубь прихожей.

Золотистые волосы Эллин спадали ей на плечи и сплетались под слегка выпяченным подбородком, образуя некое подобие лучезарной фаты. Четко очерченные, чуть припухшие от излишней чувственности губы оставались разжатыми даже тогда, когда Эллин Грей напряженно, вдумчиво молчала – Рой заметил это еще в день их короткого знакомства.

– Можно подумать, что вы слишком заждались меня. – Что бы ни произносил Согред, он изрекал это с коварной полусадистской ухмылкой, словно бы каждой из фраз метал в лицо собеседнику нечто оскорбительное.

– Не так чтобы уж совсем... Тем не менее... И почему-то казалось, что появитесь именно сегодня. – Плечистая, широкобедрая, с небрежно вытесанной полноватой талией, Эллин мало была похожа на современную секс-модель. И все же в ее лице, в этом отчаянном декольте, во всем облике таилось нечто призывно-аристократическое, что заставляло Согреда вспоминать красоту женщин, изображенных на полотнах средневековых портретистов и ревнителей библейских сюжетов.

– Странное предчувствие. Сегодня у вас, очевидно, состоялся телефонный разговор с прокурором округа. Или же с его заместителем.

– Значит, приговоренному отказано в помиловании? – без особой тревоги поинтересовалась Эллин, давая, таким образом, понять, что провидец из него не получится.

Начальник тюрьмы не ответил, но и молчания оказалось достаточно, чтобы адвокат Шеффилда все поняла. Опустившись в кресло, но не предложив сделать то же самое гостю, она отрешенно уставилась на Согреда.

– Примите мои соболезнования, адвокат Грей.

– Прекратите паясничать, Согред. Какое еще соболезнование?! Считаете, что в эти дни я должна была находиться в столице? Увы, на президента и его окружение мои чары не распространяются. Я и так сделала все, что могла, даже не являясь его официальным адвокатом. Шеффилд слишком поздно отказался от своего предыдущего защитника, сумевшего благополучно довести его до электрического стула, и, естественно, столь же поздно доверился мне. Я не права?

– Абсолютно правы, – все с той же ухмылкой придворного наглеца заверил ее Согред и, манерно подхватив пальцами складки штанин, уселся в кресло, настолько близко стоящее к Эллин, что едва не дотягивался коленками до ее колен. – Но лишь в том, что касается ваших адвокатских возможностей. Не правы в другом – что исповедуетесь передо мной, как перед единомышленником. Неужто подозреваете в симпатиях к Шеффилду?

– Разве это не так? – сразу же оживилась Эллин. – Вы не склонны поддерживать его? Мне-то сказали, что вы давно знакомы и когда-то дружили. Я и подумала: когда гибнет писатель такого высокого, Богом данного таланта, все мы, сопереживающие его трагедии, должны становиться единомышленниками.

– Но не тогда, когда речь идет об убийце. Если бы намеревались казнить политического деятеля, осужденного за его революционные взгляды, – тогда другое дело. К тому же все, что вам говорили о моей дружбе с Шеффилдом, – чушь.

– Это совершенно меняет ситуацию. В том числе и характер наших с вами отношений, – вдруг соблазнительно потянулась к мужчине Эллин.

Она молча пронаблюдала, как рука Согреда расчленила полы ее застегивающегося спереди на пуговицы платья и поползла вверх, обдавая ногу змеиным холодом, и не возбуждая ее, а вызывая отвращение, какой-то подсознательный страх. Было мгновение, когда Эллин едва сдержалась, чтобы не подхватиться. Но вместо этого лишь плотнее сжала ноги, захватывая и плена пальцы мужчины.

– Считаете, что способны заменить Шеффилда не только в литературе, но и в постели?

Согред был недурен собой, во всяком случае, вряд ли уступал Шеффилду или кому-либо из мужчин, с которыми Эллин время от времени состязалась на своем амазонском ложе.

– Причем постараюсь заменить его довольно успешно.

– Это уже похоже на деловой разговор. Кстати, вы уверены, что мы сумеем достигнуть большего взаимопонимания, если прямо сейчас испытаем себя этой самой постелью?

Вместо того чтобы переплавлять мысли и инстинкты в слова, Рой приподнялся и, обхватив ногами ее ноги, долго и страстно покрывал поцелуями лицо, шею, дотягивался до оголенной, усыпанной интимной россыпью веснушек спины... Он не играл эту страсть, она действительно овладела им, но не сейчас, а еще тогда, когда впервые увидел Эллин в своем кабинете. Вот тогда-то он по-настоящему позавидовал Шеффилду. Не славе его, а тому, что эта слава позволяла удерживать возле себя такой дивной красоты женщину – пусть даже эта красота по-скандинавски холодна и по-английски чопорна.

Брал он ее прямо здесь, в гостиной. Сначала в кресле, затем на изгибе высокого дивана. Не раздеваясь и не пытаясь оголить женщину больше того, чем требовала элементарная бли-

зость. Брал грубо и нахраписто, самодовольно ощущая, что женщине это импонирует так же, как и ему.

В себя они пришли уже на полу, у самой двери, растрепанные, вспотевшие и до невозможности измятые. По тому, что подниматься никому из них не хотелось, а поцелуи по-прежнему казались нежными, они без труда определили, что вдвоем им было – и, очевидно, впредь будет – хорошо. И что, по крайней мере в постели, они, что называется, нашли друг друга.

– По-моему, мы совершенно не вовремя прекратили наш гладиаторский поединок, Рой, – нежно провела Эллин пальцами по его губам, щеке...

– Зато очень своевременно начали его. – На сей раз улыбка Согреда показалась Эллин значительно добрее, и, все еще блуждая пальцами по его щеке, шее, груди, женщина попросила, чтобы впредь улыбался ей только так: призывно и загадочно. И как же нежно прозвучала эта просьба, эта подвухальная мольба!

– Нам все еще придется вспоминать о Шеффилде? – улыбнулась теперь уже Грей на всю ширину своих безмятежно красивых, ровных зубок.

– Сегодня и какое-то время. Очень непродолжительное. Но уже исключительно в интересах нас обоих. Договорились, адвокат осужденного Тома Шеффилда?

– Отныне можете считать меня своим собственным адвокатом, мистер Согред. То есть я хотела сказать: писатель Согред. Все равно лучшего специалиста по связям с издательствами и авторскому праву вам не найти.

– Даже если вы окажетесь на редкость плохим юристом, в моих грезах вы останетесь самой прекрасной из женщин.

– ...Этого острова, – иронично поддержала его Эллин и, потрепав Роя по загривку, нежно, по-девичьи, поцеловала в губы.

11

Душ занял у нее не более пяти минут. Она торопилась, прекрасно понимая, что мужчину привело сюда не столько воспоминание об умозрительных прелестях ее, сколько желание сблизиться. Судя по всему, Согред что-то задумал. Но насколько этот его замысел был связан с Шеффилдом, – еще предстояло выяснить.

Сейчас, стоя под струями едва теплой воды и возбужденно прислушиваясь к бурлению все еще не укрощенной плоти, Эллин, наконец, призналась себе в том, в чем до сих пор старалась не признаваться: что к Тому Шеффилду она охладела давно. Задолго до того, как на суде, вместо лица его, увидела маску смерти, совершенно справедливо доставшуюся отъявленному трусу.

Овеяв Согреда благоуханием духов и шампуня, Эллин вновь уселась в свое кресло и несколько секунд внимательно изучала гостя. Он вальяжно развалился в перинной мягкости дивана, небрежно забросив ногу за ногу и подперев рукой висок – в позе утомленного собственным глубокомыслием патриция. Узел его галстука оказался спущенным до ремня, рубашка представляла небрежно расстегнутой, а брюки – фривольно обвисающими. Однако Эллин старалась всего этого не замечать. В конце концов, неопрятность мужчины досталась ему в наследство от ее же необузданной страсти.

– Так вот, в помиловании Шеффилду еще не отказали, – первым заговорил очнувшийся теперь в ее любовниках начальник тюрьмы. – Но это произойдет уже завтра. Вы как адвокат намерены предпринимать какие-либо шаги, чтобы отсрочить казнь? При определенных усилиях, «блаженствование» в камере смертника можно еще на какое-то время продлить.

– А как скоро вы сумеете казнить Шеффилда, если никаких усилий прилагать не стану? Такая постановка вопроса вам нравится?

– Обычно мы казним по пятницам.

– В таком случае, вам следует использовать первую же пятницу, – жестко определилась адвокат и, поднявшись, направилась к холодильнику. Она не хотела, чтобы в эти минуты Согред видел выражение ее лица, заглядывал в глаза.

– Вот это уже совершенно неожиданный выпад.

– В ближайшую же! – подтвердила Эллин из соседней комнаты. Пока она колдовала там, в проеме двери виднелся бередящий воображение овал ее бедра.

Грей оказалась права: они поднялись слишком рано. Диванно-паркетные эксперименты, несмотря на всю их страстность, так и не смогли до конца удовлетворить его, укротить разбуянившийся пыл.

– Станете как-то объяснять свою настойчивость в отношении казни?

– Она легко объясняется милосердием. Чем меньше обреченный томится в ожидании смерти, тем меньше ужасов переживает. Разве не в этом заключается высший смысл тюремного милосердия? Вам ли, начальнику тюрьмы смертников «Рейдер-Форт», объяснять подобные тонкости?

«Что-то тут не то, – мило улыбаясь, не поверил ей Согред. – За нервной спешкой адвоката скрывается нечто сугубо женское. Но что? Криминальная интрига?»

Тем временем на столе появилась бутылка красного вина, две рюмки и тарелка с бутербродами. Согред наполнил бокалы, но какое-то время, совершенно забыв друг о друге, они всматривались в искрящуюся багровость вина с такой нерешительностью, будто бы после этих бокалов тюремного причастия их обоих должны повести на эшафот.

– Мы и в самом деле смотрим на вино так, словно гадаем на крови вампира, – подтвердила его догадку Эллин.

– И действительно кое-что загадали.

– Что именно?

– Каждый свое. Обычно между секирой палача и обреченным стоит лишь адвокат, поскольку Господь над ними, – напомнил Согред. – Поэтому волноваться вам нечего.

– Я ведь объяснила, милый: на сей раз адвокат – не препятствие, – назидательно проворковала Эллин Грей.

Начальник тюрьмы понимающе кивал в такт ее словам, хотя так и не понял, что, собственно, за ними скрывается.

12

Постояв еще несколько минут на балконе, Грюн Эвард в последний раз взглянул на судно, уже теряющее в предвечерней сумеречности свои очертания, и извлек из дорожной сумки небольшой, в коричневатом коленкоровом переплете блокнот. Рассказы он обычно писал в таких вот блокнотах, так и называя их про себя «блокнот-рассказами». Как всегда, самыми трудными оказывались первые строчки. Два варианта начала он набросал еще дома, у себя в Сетенвилле, но дальше трех лаконичных абзацев работа так и не продвинулась.

Заказывая себе каюту-люкс на «Страннике морей», Грюн очень надеялся, что на сей раз его вдохновит само море, как вдохновляло многих других. Он запасся вином и почти не выходил на палубу. Время от времени он хватался за свой блокнот-рассказ, подолгу томился над ним, взбадривая себя «Красным калифорнийским», но оказалось, что его предали не только муза, но и элементарный профессионализм. Он потерял всякую способность образно мыслить, умение логически выстраивать фразы. Стихии океана муза его оказалась совершенно неподвластной.

Теперь, едва присев за небольшой письменный стол, Грюн решительно перечеркнул все написанное. Ему вспомнился стоявший рядом с ним на палубе отставной моряк, скупой рассказ о Последнем Пристанище моряков-самоубийц. И он решил, что начинать следует именно с этой сцены. Несколько слов Адмирала, брошенных как бы между прочим, – вот то, что должно было создавать общую атмосферу, царящую на острове, в душе героя и, соответственно, в самом рассказе. Когда-нибудь он засядет за отдельный рассказ о жизни самого поселка. Возможно, это даже будет роман.

Эвард давно упрекал себя в том, что так и не сумел создать ничего значительного: ни одной повести, ни одного романа. Слишком уж прямолинейно воспринял наставление профессора Краузе о том, что к полновесному классическому роману следует идти через мастерство рассказа и что нынешний литературный век отрекается от романа, дабы найти свой расцвет в коротком психологическом рассказе.

Уже сделав первый набросок прибрежного пейзажа, Эвард задумался. Кто должен выслушивать Адмирала: сам главный герой, который станет убийцей и смертником? Нет, следовательно, прибывший на остров, чтобы расследовать преступление? Будущая жертва убийцы?

Согред оказался прав: детектив – совершенно иное ремесло. Оно не имеет ничего общего со всем предыдущим литературным опытом, который он нажил. Но именно потому, что у него нет опыта создания детектива, он и прибыл сюда, в надежде хотя бы в общих чертах познать быт тюрьмы, увидеть камеру смертников и камеру, в которой происходят казни.

Перечитав несколько фраз, Эвард решил, что начало у него есть. Неплохое начало. Сама же сюжетная линия прояснится после того, как он побывает в тюрьме и встретится с Шеффилдом.

«Погоди, – вдруг остановил себя, – но ведь Шеффилд уже сам по себе находка! Писатель, совершавший убийства по собственным сценариям! Ты поспешил причислить это к сюжетным банальностям. „Романист, создававший сценарии для банды“ – этот сюжет „киношники“ – да, успели истоптать. А вот в методах Тома просматривается нечто оригинальное. К тому же какой потрясающий антураж! Забытый посреди океана остров; поселок моряков-самоубийц... Известный писатель, ожидающий исполнения приговора в камере смертников...»

Эвард понимал, что, сам того не ведая, вдруг оказался на сюжетном Клондайке. Сама жизнь закручивала такие интриги, какие не способен выдумать и собрать воедино ни один детективщик. Вопрос лишь в том, как теперь всю эту россыпь использовать.

13

Вино показалось Согреду слишком холодным и терпким, что, однако, не мешало с удовольствием смаковать его, время от времени рассматривая оставшийся в бокале напиток при бирюзовом свете ночника.

– Вы хоть понимаете, Эллин, что то, что вы только что заявили, в самом деле совершенно меняет характер наших отношений?

– Разве? Мне-то показалось, будто характер наших отношений изменился значительно раньше, с той минуты, когда мы оказались в объятиях друг друга.

Рой и Эллин мило улыбнулись и чуть было не потянулись друг к другу губами. Но при этом оба понимали, что характер их отношений изменили все же не минуты улад. Их изменила позиция адвоката, который только что окончательно предал своего подзащитного.

– Эти отношения станут еще более привлекательными, когда вы выслушаете мои предложения.

– Почти не сомневаюсь в этом. Почти. О чем бы вы хотели поведать мне, милый мистер Согред? Насколько мне известно, вы продолжаете писать романы, однако до сих пор они не пользуются никаким успехом.

– Их даже не издают, – с угрюмой невозмутимостью уточнил Рой.

– Что еще прискорбнее. В таких случаях следует ставить на одно из двух обстоятельств: то ли у вас нет таланта, то ли до сих пор не подвернулся опытный юрист, который бы одновременно стал и издательским агентом и адвокатом. В чем, по-вашему, я не права на сей раз?

– Только в том, что решились прибыть сюда с навязчивой идеей – освободить Шеффилда.

Пауза, которой Эллин одарила сама себя, была слишком непродолжительной, чтобы Рой мог заподозрить ее в замешательстве.

– Пытаетесь обвинять адвоката в выполнении им своих профессиональных обязанностей?

– В день прибытия на Рейдер вы еще не являлись адвокатом Шеффилда. По крайней мере, юридически признанным. – Согред продолжал улыбаться, однако теперь это была улыбка иезуита, ведущего допрос в интересах святой инквизиции. – Но речь не об этом. Вы, очевидно, не догадывались, что Стив Коллин, мой заместитель и хозяин вашего убежища, начинал в качестве обычного платного агента полиции, а затем долгое время занимался уголовным сыском. Согласитесь, что человек с такой биографией не сочтет зазорным деликатно ознакомиться не только с документами своей квартирантки, но и с содержимым ее багажа. Продолжать в том же духе?

– Мне-то казалось, что, согласившись на любезное предложение мистера Коллина, я буду чувствовать себя куда в большей безопасности, нежели в отеле.

– В выборе жилья более «любезными» выглядели вы, Эллин. И мистер Коллин готов подтвердить это. Обнаружив в вашем багаже небольшую пластиковую взрывчатку – не производящую большого грохота, но отчаянно разрушительную, – он укрепился в собственной догадке относительно того, что вы рассчитывали на него, как на единомышленника. Вот почему вы столь охотно сменили номер в отеле на этот флигель.

Почти с минуту адвокат Шеффилда напряженно молчала. Она сидела, запрокинув голову и бездумно уставившись в потолок.

– Хотите сказать, что он специально подставился мне? – наконец сухо и жестко спросила она, залпом опустошая свой бокал и вновь берясь за бутылку.

– Нет, конечно. Теперь Коллин не имеет ничего общего с полицией и даже втихомолку гордится этим. Милый, добрый старикашка, честно жующий свой тюремный бутерброд, в ожидании выхода на пенсию, которую рассчитывал получать уже на небольшом ранчо в окрест-

ностях столицы. В тот день, когда вы с ним познакомились, он покончил с формальностями, связанными с его приобретением. Рассчитывал, что, после операции, Господь подкинет ему еще пару лет бытия.

– Кажется, вы уходите от темы, Рой. Сейчас меня интересует не столько его ранчо, сколько вопрос: почему он не заявил в полицию и каким образом узнали о взрывчатке вы?

– Ответ кроется в логике вашего вопроса. В полицию он не заявил только потому, что прежде сообщил о своем открытии мне. Этот человек слишком многим обязан мне, вот почему уже несколько дней он вежливо раскланивается с начальником местной полиции, не утруждая его никакой служебной информацией.

– Так он молчит уже несколько дней?! – впервые ужаснулась Эллин.

– Втайне рассчитывая на то, что не станете запускать свою адскую машину прямо здесь, в стенах его дома.

– Теперь я уже в этом не уверена, – процедила Эллин. – Ибо неизвестно, сколько еще продлится его молчание.

– Мне нравится, что на сей раз вы играете в открытую. Тем не менее вашу угрозу пока что воспринимаю, как минутную несдержанность.

– Лучше воспринимайте, как обычную угрозу. Кстати, я до сих пор не задала вам вопрос, не задать который попросту не имею права.

– До каких пор буду молчать о вашей бомбе я?

– Не понимаю, почему ваши романы не находят издателей, – подбодрила его великосветской улыбкой Эллин. – При такой-то проницательности...

– Мое молчание безгранично.

Эллин хотела что-то заметить по этому поводу, но по окну прошли лучи машинных фар, а затем послышалось приглушенное урчание двигателя. Они одновременно поднялись и, приблизившись к окну, проследили, как Коллин загоняет машину в гараж.

– Он часто навещается в этот флигель? – вполголоса спросил Согред, словно Стив мог услышать его.

– Если и навещается, то в мое отсутствие. Несколько раз мы беседовали, сидя в кафе на соседней улице. Но машину вашу наверняка заметил.

– Я предусмотрительно оставил ее возле отеля «Островитянин», – осклабился в воинственной улыбке Согред.

– Так, пожалуй, лучше. Будем надеяться, что и на сей раз Коллин не заглянет сюда.

Эллин и Рой вернулись к журнальному столику, уселись каждый в свое кресло и несколько минут молчали. Они прислушивались к тому, как все усиливающийся ветер крушит ветки деревьев и испытывает на прочность крышу строения.

– Однако в рассказе Коллина меня заинтриговала не столько ваша взрывчатка, – возобновил прерванный разговор Согред, – сколько обстоятельство, приведшее этого человека именно ко мне, а не в полицию.

Эллин вопросительно взглянула на гостя, а когда тот затянул с ответом, вежливо возмутилась:

– Не заставляйте вытягивать из вас по слову, Рой!

– О'кей. – Согред извлек из внутреннего кармана небольшой конверт и высыпал на стол несколько снимков.

Эллин скорее из вежливости, нежели из интереса, склонилась над ними, пытаясь рассмотреть изображение.

– Может быть, вы еще и объясните, чем это вы хотите сразить меня?

– Фотокопии двух вариантов сюжета нового романа Шеффилда, который он не успел написать. А вот это – более старые записи. Вот набросок фабулы уже изданного романа все того

же Шеффилда: «Убийство старой девственницы». Название, кстати, тоже было предложено вами.

– Тем, в чем вы пытаетесь уличить меня, обычно гордятся, – спокойно парировала Эллин, вальяжно откидываясь на спинку кресла.

– Я ни в чем не пытаюсь изобличать вас, Эллин. Тем более что, к вашей чести, вы ничего не пытаетесь отрицать. Правда, следователь взглянул бы на ситуацию иначе. Он задался бы вопросом: так кто же все-таки сочинял сюжеты, следуя которым Том Шеффилд не только создавал свои романы, но и совершал преступления? Для него это было нетрудно, поскольку жертвами ваших интриг становились люди, хорошо известные вам обоим, довольно состоятельные и почти беззащитные в своей наивной дружбе с вами.

– В дружбе с Шеффилдом, Рой, с Шеффилдом, – зачем-то уточнила Эллин, хотя замечание показалось Согреду совершенно несущественным. – Его друзьями я интересовалась лишь постольку, поскольку они виделись мне в качестве прототипов.

– В качестве жертв, мисс Эллин.

– ...И никогда не подпускала их к себе ближе, – проигнорировала уточнение Согреда, – чем этого требовало познание некоторых деталей их бытия. И потом, мне совершенно непонятно, почему роль следователя выпала именно вам, мистер Согред? И почему вы решились на нее сразу же после того, как буквально изнасиловали меня? Кого теперь я должна опасаться больше: вас или Коллина? – Согред не мог не заметить, что в голосе мисс Грей прозвучали угрожающие нотки и вся она напряглась, слегка развернув бокал так, словно собиралась выплеснуть его содержимое ему в лицо.

14

Потянувшись за бутылкой, Согред таким образом потянул время, которое понадобилось, чтобы успокоиться и проанализировать ситуацию.

– Мы и в самом деле говорим не о том, Эллин. – Он наполнил свой бокал, долил вина в бокал женщине и, мягко улыбнувшись, немного отпил.

– Видите ли, когда приговоренным уже нечего терять, они иногда прибегают к последним, спасительным, как им кажется, уловкам.

– Просветите, к каким именно.

– Например, меняют адвоката, пишут разоблачительные письма прокурорам округа, в которых излагают новые, ранее не выясненные судом факты своих собственных преступлений, или же дополнительно разоблачающие их сообщников, и тем самым уменьшающие их собственную вину. Начинается новое расследование, подключается общественность, появляется пресса... Адвокат и прокурор, теперь уже совместными усилиями, добиваются пересмотра судами их дел. Я все верно излагаю? Никаких ошибок, с точки зрения юриспруденции и процессуальных канонов, не допускаю?

– Прекратите паясничать, Согред, иначе вы сами все испортите. Пока что вы мне все еще нравитесь. По крайней мере, как мужчина, а потому можем говорить совершенно спокойно.

– Просто мне вдруг показалось, что ваш дружок, Том Шеффилд, вполне созрел для подобных реверансов в сторону законоблудителей. – Согред откровенно провоцировал ее. Никаких фактов, никаких намеков на то, что Шеффилд может повести себя подобным образом, у него не было, никаких подозрений не возникало. Тем приятнее было ощущать, что западня срабатывает.

– Именно поэтому я все еще здесь, на этом проклятом всеми богами клочке суши, а не в Лас-Вегасе, Париже или еще где-либо. Поэтому и настояла, чтобы Том отказался от прежнего адвоката.

«Она намного умнее, чем я предполагал, – с некоторой опаской признал Согред. – Конечно, в данном случае срабатывает еще и профессиональный опыт. Тем не менее...»

– И что из всего этого следует? – вернул его к действительности бодрящий голос Эллин. – Развивайте ваш сюжет, развивайте. Не вижу динамики, интриги, не чувствую азарта...

– Развивать его, как и в былые времена, когда, по иронии судьбы, вы сотрудничали не со мной, а с Томом Шеффилдом, придется вам, Эллин. Я же предлагаю вместе подумать над умопомрачительным сюжетом, который поможет нам обоим.

Эллин недоверчиво взглянула на Согреда, поднялась и, согреть бокал ладонками, прошла по комнате. Рой проследил за ее походкой, отметив про себя, что ноги у нее куда красивее, нежели ему показалось поначалу.

– Сюжет этот связан с Шеффилдом?

– Можно даже предположить, что в основу будет положена операция, связанная с его побегом.

– «Можно предположить»? – очень точно уловила смысл его слов Эллин. – Предполагать можно, что угодно. Вопрос в ином: зачем вам понадобился этот «умопомрачительный сюжет»? – молвила она, остановившись в двух шагах от Роя. – Трудно дожидаться очередной пятницы? Хотите, чтобы приговоренного застрелили в четверг, во время побега?

– Во-первых, успокоим его демонстрацией своей преданности. Во-вторых, еще раз, в последний, воспользуемся услугами его... литературного опыта, – молвил Согред, удачно избегая слова «талант». – Рассказ Шеффилда, представленный на конкурс уже не под его именем...

– Не под его именем? – прервала его адвокат. – Какая деликатная формулировка!

– Вот именно, не под его... – способен принести очень солидную премию, которая позволит нам, как минимум, три месяца провести на лучших курортах мира, или же приобрести ранчо, и вообще, спокойно поразмышлять о будущем.

Эллин остановилась в шаге от Согреда, и он не удержался. Обняв ее за бедра, привлек к себе, уткнулся лицом в шелковистую ткань платья, в манящую пряность тела. Почти с минуту женщина оставалась неподвижной, давая ему возможность насладиться своей близостью и погасить, или, наоборот, разжечь страсть. И лишь почувствовав, что объятия его ослабли, мягко, артистично освободилась.

– Извините, Рой, – вернулась она в свое кресло, – но пока что я не уловила хотя бы основы вашего замысла. Цель – да, ясна, замысел – нет.

– Он намного прояснится, как только узнаете, что на борту «Странника морей» на остров прибыл некий литературный пилигрим по имени Грюн Эвард.

– Вы имеет в виду писателя Грюна Эварда?

– Вам знакомо это имя?

– Как и сотни других литературных имен обоих полушарий планеты. Уж не помню, что я там читала из Эварда, но Шеффилд не раз упоминал о нем. Да и критика не замалчивала. Интересно, что ему-то могло понадобиться на этом забытом богом островке?

– Он стремится занять место Шеффилда.

– В тюрьме?! – хохотнула Эллин.

– Пока что только в литературе.

– В наглости ему, конечно, не откажешь.

– Да только в жанре детектива он совершеннейший новичок, хотя и с претензией на законодателя мод в стиле сюрреализма, или что-то в этом роде. Прибыл сюда, надеясь ознакомиться с тюремным режимом и с камерой смертников, в которой рассчитывает найти героя своего будущего рассказа или романа. По его замыслу, это должен быть некий психологический детектив, главным героем которого станет обитатель камеры смертников. Вам приходилось когда-нибудь встречать человека, который бы рвался в тюрьму за вдохновением?

– Так помогите же ему «вжиться в образ», Рой! – мгновенно оживилась Грей. – Предложите провести ночь-вторую в той же камере, в которой обитает Шеффилд... Пройти весь путь, которым проходит смертник от камеры до электрического стула.

– Мне почему-то верилось, что вы сразу же уловите нить моего замысла, Эллин.

– Так, именно в этом и заключается весь ваш замысел? – сыграла разочарование эта несибаемая авантюристка.

– Очень важный для меня и конечно же для Шеффилда. Который прежде должен будет воплотить всю эту интригу в лучшем из своих творений. Пусть даже пока что в сокращенном виде. Именно в лучшем – такова цена его спасения от электрического стула.

– Спасения?

– В этот раз вы слишком невнимательны, мисс Грей. Я всего лишь сказал: «спасения от электрического стула». Всего лишь...

15

На рассвете Согреда разбудил телефонный звонок. Подняв трубку, он, сонно щуря глаза, уставился в окно. Солнце, восходящее из глубин океана, уже обагрило его первыми мазками огня, крови и человеческих страданий. Часы, которые он проспал, были в одинаковой степени прекрасными и бесполезно прожитыми.

– Привет, Рой, – донесся до него все из тех же глубин океана на удивление нежный, едва слышимый голос женщины: то ли недавно проснувшейся, то ли так и не познавшей сна. – Я могла бы разбудить вас и пораньше, но, как видите, пощадила.

– Вы, Эллин?!

– По логике событий, мне следовало бы сейчас пригласить вас к себе...

– По логике событий, мне попросту не следовало бы уходить от вас вчера.

– Оплошность, которую вам еще придется очень долго искупать, – согласилась Грей. – Но, как вы понимаете, пригласить вас сейчас я не смогу.

– Только что я поймал себя на том, что проживаю первое утро на рейдере, в которое меня поднимает с постели нежный женский голос. Пусть даже доносящийся не из ванной, а из телефона.

– Знала бы я, что вам это так приятно, звонила бы каждое утро.

– Теперь у вас будет такая возможность. Поскорее одевайтесь и приезжайте ко мне.

– Для этого следует одеваться?

– Про одежду – это я так, по инерции. Вы согласны приехать?

– Хотела предложить вам то же самое, только встречу наметить в ресторане отеля «Нордвест». Он открывается в восемь.

– Это не подлежит обсуждению, Эллин: мы встречаемся у меня, – настоял Рой. – Адвокат осужденного нанес визит начальнику тюрьмы. Ни одна сплетница не осудит вас за это. А уж затем решим, что предпринимать дальше, в каком ресторане продолжить деловую часть нашей встречи.

Вместо ответа, Эллин коротко, призывно рассмеялась. В этот раз бархатный смешок ее показался еще более нежным, чем прежде, и Согреду подумалось, что в такую женщину лучше всего влюбляться по телефону, не видя циничного оскала ее улыбки и оценивающего прищура глаз.

«Но ведь ты сам вынуждал ее к строгости, – попытался защитить женщину от самого себя. – Вечер близкого знакомства и любви ты превратил в вечер шантажа и допроса».

– В таком случае, неминуемо вынуждена буду познакомиться с вашим постояльцем, Рой.

– Черт, об этом я почему-то не подумал. – Согред и в самом деле только сейчас вспомнил, что этажом выше досматривает утренний секс-сон Грюн Эвард.

«На кой черт ты оставил его у себя? – проворчал он. – В этом паршивом городке пять отелей и две ночлежки».

– А ведь мое знакомство всегда таит в себе опасность.

– Опасность для кого: для Эварда или для меня?

– Для вас обоих, – отшутилась Эллин. А немного помолчав, уже более сдержанным, трезвым голосом уточнила: – Но и нам с вами следует подумать, должна ли я подобным образом засвечиваться. Вы понимаете, о чем речь?

Двумя пальцами, большим и средним, Согред помассировал виски с такой яростью, словно раскручивал заводной ручкой мотор заглушшего допотопного грузовичка.

– В общем-то да.

– Судя по вашей неуверенности, не совсем.

– В общем-то да.

– Поразительное многословие.

– В общем-то... – начал было Рой, однако в этот раз Эллин не позволила ему расточать свое «многословие».

– Дело в том, что схема нашей «любовно-тюремной интриги» готова. В течение ночи мне пришлось проработать, как минимум, пять ее вариантов. – Рой понимал, что «любовно-тюремная интрига» – всего лишь условный код. Медленно, неохотно, но он все же возвращался из мира сонных иллюзий – в мир страшных, похожих на кошмарный сон, грез.

– Полагаю, вы уже определили для себя лучший из них? – с надеждой спросил он, не рассчитывая на то, что способен будет предаваться детальному анализу всех сразу.

– Почти идеальный, – ни мгновения не колеблясь, заверила его адвокат Шеффилда. – Черт с ним: засвечиваться – так засвечиваться. Через двадцать минут буду у вас.

Согред озадачено вздохнул, мысленно прикидывая, с какой поспешностью ему придется приводить себя в порядок.

– Меня не интригуют, и даже не трогают, ваши вздохи. У нас слишком мало времени, – сухо напомнила ему Грей. – И, тем более, мало его будет оставаться у человека, которому придется превращать наш замысел в литературный шедевр. Ждите меня ровно через двадцать минут. Ваш внешний вид не будет иметь при этом никакого значения. И не заставляйте меня топтаться у дверного звонка на виду у любопытных пешеходов.

По тону, которым Эллин произнесла эти слова, начальник тюрьмы легко определил, что отныне всей операцией будет командовать эта женщина. Ему, Эварду, Шеффилду и всем остальным достанутся роли исполнителей и статистов. Причем многим даже не дано будет догадываться, по чьему сценарию разыгрывается вся эта дерзкая драма.

Положив трубку, Согред еще несколько минут лежал, невидящим совиным взором втупившись в основательно побагровевшее окно. Он вдруг с ужасом подумал о том, что, с момента, когда Эллин ознакомит его со своим криминальным сценарием, он, начальник тюрьмы «Рейдер-Форт», сам превратится в опасного уголовника, ничем не отличающегося от столь презираемого им Тома Шеффилда. И не исключено, что пройдет не так уж и много времени, и он, Рой Согред, займет его место в камере смертников.

«Стоит ли? – спросил он себя. – Есть ли смысл рисковать всем, чего ты достиг? – Рой нервно пожевал нижнюю губу и, простонав, сошвырнул с себя одеяло. – А чего ты, собственно, достиг? Ах, да, стал начальником тюрьмы! Почти фантастическая карьера автора девяти неопубликованных романов и, как минимум, двух сборников рассказов. А теперь прикинь, сколько уголовных дел, сколько зарешеченных судеб, сколько леденящих кровь детективных историй прошло через твою не такую уж бесталанную башку. Ведь только ты, идиот, сидя в кресле, вначале заместителя, а затем начальника тюрьмы, мог писать невинные романы из крестьянской жизни, предаваясь воспоминаниям детства и романтике отцовского ранчо. Хотя, какие шеффилды, какие эварды способны тягаться теперь с тобой по части знания всей этой уголовно-тюремной подноготной?!»

Поднявшись с кровати, Согред набросил халат и, включив электробритву, мысленно представил себе, как из флигеля Коллина выходит прекраснейшая из женщин, каких только ему приходилось когда-либо видеть, и садится в подержанную, взятую напрокат «тойоту».

– Нет, эта женщина достойна иной судьбы, – молвил он, даже не заметив, что произносит это вслух. – Как и ты, очумевший от замкнутости островной жизни, тюремный привратник. Мы оба достойны иной, более... достойной жизни. Независимо от того, каким способом и какой ценой она достанется.

* * *

Грюн Эвард появился на лестнице уже в те минуты, когда Согред справлялся с галстуком. Судя по внешнему виду, гость поднялся уже давно, и даже успел посидеть за письменным столом. «За твоим письменным столом!» – ревниво упрекнул себя Согред.

– Привет, Рой! Торопишься на службу?

– Привет. До обидного хорошо выглядишь, – мрачновато ответил начальник тюрьмы. – Работа потерпит. Сейчас здесь появится адвокат Шеффилда, некая Эллин Грей. Как думаешь, у тебя могут возникнуть к ней какие-либо сугубо профессиональные вопросы?

– Ни к ней, ни к самому Шеффилду. Я вообще не хочу, чтобы смертник знал о моем появлении здесь.

– Вчера ты был настроен иначе.

– Вчера – да. Но ведь то было вчера. Его преступление – это его личный позор, который легче переживать наедине с собой, а не в тюремном кругу литературной богемы. – Грюн спустился вниз, и они вежливо, даже чопорно, пожали друг другу руки.

– «Тюремный круг литературной богемы»... Оказывается, в природе возможно появление и такого монстра.

– Но я не сказал главного: его адвокат – не просто женщина. Она... удивительно красива.

– Тем более не стану отвлекать ее внимание ни от подзащитного, ни от тебя. Позавтракаю в ближайшем ресторанчике. После чего позволил бы себе отнять еще минут пятнадцать твоего времени, дабы продолжить вчерашний разговор.

Согред мельком взглянул на настенные часы. Если Эллин окажется пунктуальной, она появится через пять минут.

– Буду ждать твоего возвращения, Грюн. Впрочем, позавтракать мы могли бы и вместе.

– Завтракать, как и ужинать, я привык в одиночестве. Особенно, когда нахожусь в гостях.

16

Эллин прибыла с опозданием всего на десять минут, что лишь подтверждало ее твердое намерение оставаться предельно пунктуальной. Покрытое легким загаром, словно выточенное из коричневатого-розового мрамора, лицо ее источало надменную уверенность в своей неотразимости.

– Грюн Эвард – и есть тот джентльмен, который только что чуть было не погиб под колесами моего автомобиля? – мило улыбнулась она, подставив щеку для поцелуя.

– Пройдет немного времени, и мужчины этого острова будут почитать за честь гибнуть под вашими колесами. Но этот, пока еще не погибший, наверняка является Эвардом. Кстати, он нам еще понадобится.

– Только это и спасло его. Вот сценарий, – положила на стол перед Согредом несколько исписанных крупным каллиграфическим почерком стандартных писчих листов. Рой сразу же узнал и почерк этот, и манеру писать, начиная каждую фразу с новой строчки, и чуть ли не со середины листа. – Но мне бы не хотелось, чтобы мои тексты превращались в фотокопии.

– Эти нет, – проговорил Рой, не отрываясь от чтения. – Эти не превратятся.

– Я уничтожу их сразу же, как только вы ознакомитесь с содержанием.

– В своих сценариях вы более последовательны и смелы, нежели в реальной жизни.

– Потому что обычно в моих сценариях обнаруживается куда меньше негодяев, нежели в реальной жизни. Можете вы, начальник тюрьмы для особо опасных преступников, наконец понять это? – стукнув кулачком по столу, Эллин поднялась и извлекла было из сумочки пачку сигарет, но, помяв ее в руке и вспомнив, что решила расстаться с этим постыдным увлечением, сунула ее в боковой кармашек сумки.

Пока Рой читал сценарий будущей трагедии, женщина несколько раз прошлась по комнате, затем поднялась по лестнице и бегло осмотрела второй этаж.

«Неужели проверяет, нет ли кого-либо в доме? – отметил про себя Согред, пробегая глазами последнюю страницу. – Ей следовало сделать это сразу же, прежде чем начала разговор».

Закончив чтение, он молча уставился на Эллин.

– Что вас так отчаянно поразило в моем чистописании, мистер Согред? – Вот теперь-то она наконец обрела уверенность в себе, под села к столу и, по-мужски забросив ногу за ногу, так что каблук туфельки почти упирался ей в бок, уставилась на сидевшего напротив Роя.

– Это неподражаемая интрига, Эллин, – потряс Согред сценарием. – Вы – гениальная интриганка.

Эллин благодушно ухмыльнулась:

– Будем надеяться, что Шеффилд останется от нее в таком же восторге.

– Вот только не совсем понимаю: это сценарий, по которому надлежит действовать нам с вами, или же героям рассказа Шеффилда?

– И героям – тоже.

– Даже так?! – Согред вновь прошелся взглядом по первой странице и замер, вопросительно глядя на «сценаристку».

– Шеффилду я его попросту перескажу. Чтобы не оставлять письменных улик. Надеюсь, после этого он откажется от идеи доносить на меня и требовать пересмотра дела.

Рой молчал. Не это интересовало его сейчас. Уловив настроение мужчины, Эллин отобрала у него текст и тоже пробежалась по нему взглядом.

– Понятно, Рой, вас пугает концовка.

– Вернее, ее отсутствие. Исходя из того, что здесь написано, герой рассказа остается на свободе. Но это законченный злодей, и читатели вряд ли...

– Скажите откровеннее: вас удручает не то, что в живых и на свободе оказывается герой рассказа Шеффилда, а что в живых может остаться сам Шеффилд. И, по существу, вы требуете, чтобы я убрала его. Выражаясь еще яснее, убила.

– Прошу прощения, мисс Грей, я этого не требовал.

– Требовали, Согред. И продолжаете требовать.

– Чего вы добиваетесь?

– Ясности, Рой.

– Ясность внесет Шеффилд. Узнав о том, что вы изорвали его письма, он сегодня же напишет новые, только еще более яростные, с указанием конкретных фактов, исходя из которых прокурор немедленно потребует возбуждения уголовного дела в отношении адвоката Эллин Грей.

– Не кажитесь большим негодяем, нежели вы есть на самом деле, Рой, – как можно спокойнее проговорила гостья. – Тем более что вы мне все еще нравитесь.

– В таком случае внесите сюда, вот в этот ваш сценарий, ту самую ясность, которой так добиваетесь. И все станет на свои места.

Эллин вызывающе покачала головой.

– У нас нет повода для полемики, Рой. Мы оба согласны с тем, что Шеффилд должен исчезнуть. Я правильно вас поняла? Единственное мое условие: эту часть сценария вы должны дописать сами. Не посвящая меня заранее в детали. Вы ведь уже подготовили свой сценарный ход, а, мистер Согред? Не отрицайте. Без него вы не явились бы ко мне вчера. И потом, заметьте, я не потребовала никаких обязательств относительно наших дальнейших отношений. Когда вся эта история завершится и ваш рассказ, – именно ваш, переписанный вашей рукой, в вашем, а не Шеффилда, стиле, – с разработанной вами концовкой, ляжет на столы членов жюри, вам вновь понадобится моя помощь. Как в свое время она понадобилась никому не известному писателю Шеффилду.

– И каковы же будут ваши условия?

– Такие же, какими они были во времена моего сотрудничества с Шеффилдом. Уверена, что уже одно это обстоятельство должно убедить вас в полнейшей справедливости.

– Знать бы еще эти условия.

– Вы грубиян, мистер Согред. Вынуждена буду ужесточить свои требования, поскольку работать придется в куда более вредных для моего здоровья условиях, нежели в контакте с Шеффилдом. Кстати, вы заметили, что главная роль здесь отводится вашему постояльцу, – умело перевела разговор в несколько иное, более приемлемое, русло.

– Заметил.

– Он ведь сам просится в тюрьму. Разве не так? Что вы ему ответили по этому поводу?

– Пока что не сказал ему ни «да», ни «нет». Но больше склоняюсь к «нет», ибо его желание противоречит инструкциям, законам и вообще здравому смыслу.

– Великолепно! Прекрасная стартовая позиция. Как только Эвард вернется в сию обитель, скажите свое «нет» еще более твердо. И продержитесь на нем время, достаточное для того, чтобы Грюн вошел в азарт.

– И что потом?

– Действуйте по нашему сценарию – только-то и всего!

– Попытаюсь, – не совсем уверенно молвил Согред, явно замаявшись с ответом.

– И еще одно: с Шеффилдом я встречусь лишь после того, как вы обсудите наиболее привлекательную для него идею. Поэтому еще раз напоминаю: не тяните со временем.

17

Несколько минут, прикрываясь занавеской, Согред наблюдал за тем, как Грюн Эвард не спеша приближается к его дому. Теперь он выглядел сытым и самодовольным, и у Согреда даже закралось подозрение, что в таком состоянии Грюн уже не решится заговорить ни о камере смертников, ни вообще о тюрьме.

Время от времени Эвард запрокидывал голову, посматривая на освещенное скудным нежарким солнцем голубовато-белесое небо, на ажурные лужайки, зеленеющие по обе стороны от дома Согреда, что делало его похожим на крестьянскую усадьбу; и, судя по всему, совершенно забыл, что ему надо спешить, чтобы успеть поговорить с начальником тюрьмы.

– Ты торопишься, Рой? – всполошился лишь тогда, когда увидел Согреда на крыльце. Вроде бы не замечая входящего через калитку гостя, тот намеревался закрыть дверь.

– Служба, знаешь ли. Вчера я дал тебе ключ, он с тобой?

– Со мной. Но дело не в ключе. Нам нужно поговорить.

– О визите в тюрьму? Вряд ли мне удастся подпустить тебя к этому святилищу дальше моего кабинета. Ты же понимаешь, чем это может закончиться для меня, – попытался Рой пройти мимо Эварда. – Служебное несоответствие, выяснение отношения с законом.

– Но в конечном итоге все можно сделать аккуратно! – почти взмолился Грюн. – Вчера мы ведь уже почти договорились.

– Вот именно: «почти»...

– Что изменилось?

– Ночи для того и существуют, чтобы было время пересмотреть все то, что опрометчиво наобещано и запланировано до заката солнца.

– Ты не доволен, что я появился в твоём доме?

– Я всегда придерживался той высшей истины, согласно которой хорошие гости сидят у себя дома.

– Сакраментальная фраза.

– Но ты уже здесь. И мне не хочется прослыть плохим хозяином. Короче, Грюн, что еще, кроме посещения «Рейдер-Форга», я могу организовать до того, как ты вновь ступишь на борт «Странника морей»?

– Мне нужно познать хотя бы основы тюремного бытия, увидеть все происходящее там собственными глазами. Я слишком далек от всего, что происходит за воротами тюрьмы.

– Меняй замысел.

– Поздно. Я слишком сжился с ним. Слишком увяз.

– Тогда почему бы тебе не решить эту проблему более радикальным образом? Например, попытаться ограбить местный банк? Или, на худой конец, изнасиловать барменшу отеля «Норд-вест»?

– Исключено. Становиться уголовником я не желаю. К тому же меня убедили, что ты здесь правишь, как император. Все в твоей воле.

– Какое преувеличение! Кто этот мой враг?

– И что власти округа, не говоря уже о стране, попросту забыли о существовании «Рейдер-Форга», отдав его на откуп тюремной администрации и городской мэрии.

– Ты даже не замечаешь, какие опасные речи произносишь, – упрекнул его Рой, недобро сверкнув глазами. – «На откуп... администрации и мэрии...» На самом же деле здесь все в пределах закона, мистер Эвард. Того закона, который вы, лично вы, – предался он официальному пафосу, – провоцируете меня преступать.

– Вот уж не думал, что окажусь в роли самого отпетого правонарушителя Рейдера.

– Я предлагал тебе знакомство с адвокатом Шеффилда, ты отказался. Теперь придется знакомиться самому. К твоему счастью, с женщинами на острове не так уж плохо, как могло бы показаться, глядя с палубы «Странника морей» на его скалистые берега.

Эвард рассеянно провел его взглядом до калитки, так и не решив, как выйти из словесного тупика, в который сам себя загнал. Согред уловил это и понял: если он сам не вернется к этому разговору, время будет упущено, а возможность – тоже.

– Я понимаю, что ты вправе обидеться, – молвил уже из-за узорной металлической калитки.

– Да, вправе.

* * *

Для виду Согред еще немного помялся, поправил галстук и вновь вернулся во двор.

– Если честно, у меня возник один план. Правда, я не знаю, как ты воспримешь его и насколько могу быть уверенным, что, добравшись до материка, не станешь распространяться обо всем происходившем в тюрьме «Рейдер-Форт».

– С бульварными газетенками, способными поднимать вой по любому поводу, никогда не сотрудничал.

– Что делает тебе честь. А главное, это уже более серьезный разговор. – Он приблизился к Грюну, почти по-отцовски поправил изогнувшийся лацкан его пиджака... – Обычно я хожу на работу пешком. Предлагаю пройтись.

– Пойдем.

– Или, может, не стоит? Как считаешь? Нужно ли, чтобы нас видели вдвоем? – Он открыл гараж, вывел «мерседес» и предложил Эварду сесть в салон. Там он незаметно включил записывающее устройство – так, на всякий случай. – Видишь ли, как обстоят дела... Получается, что я многим обязан Шеффилду. Это он помогал мне публиковать первые рассказы.

– Шеффилд?! Брось! Он тогда еще и писателем-то не был. Тогда он еще был никем.

Согред грустно улыбнулся. Вот только Эвард вряд ли мог догадаться, что улыбка совершенно не касалась воспоминаний о помощи, которую якобы оказывал ему Том. Просто Согред понял, что заврался. Это заставило его критически оценить все свое поведение во время бесед с Эвардом и прийти к выводу, что он – полнейший дилетант, понятия не имеющий об организации подобных сделок, в руки не бравший ни одного детектива.

– В литературном мире – да, он тогда еще был никем. Зато обладал связями, по крайней мере, с тремя издательствами. В этом ему помогала Эллин Грей, ставшая затем его литературным агентом, адвокатом и конечно же любовницей. – Он взглянул на Эварда.

– Ясно, – едва заметно кивнул тот, и Согред так и не понял: поверил ли ему Грюн, или всего лишь решил исчерпать тему. – Казнь, как мне представляется, это целый ритуал. А в таком процессе важна любая деталь: как доставляют в камеру для казни; как усаживают на электрический стул... Как ведут себя при этом обреченный, палач, прокурор. Успех рассказа будет зависеть от компетентности автора, от нескольких важных деталей; наконец, от того, как писатель сумеет воспроизвести натурализм самой казни.

– ...Другое дело, что у нас, как и во всякой провинции, этот ритуал существенно упрощен, – неожиданно поддержал его начальник тюрьмы. – Тем не менее... Ты уверен, что хочешь пройти через него? Конечно же это будет спектакль. Конечно же и мой заместитель Коллин, который организует тебе это, и ты сам – будете понимать, что происходящее – всего лишь фарс. Но если ты готов пройти через него...

– То есть я должен присутствовать на казни Шеффилда?

– Причем здесь Шеффилд? Никакой казни его не будет. По крайней мере, в эту пятницу. Тут может возникнуть любопытный вариант. Только так, если он тебя в чем-то не устраивает... Одно слово и... «воля клиента».

– Идет.

– Предупреждаю, что это будет стоить тебе двух бутылок коньяку и дюжины бутербродов, на всю компанию.

– Только-то и всего.

– Словом, Эллин тебя слегка загримирует, и в четверг под вечер ты сядешь в камеру вместо Шеффилда. Детали я беру на себя. А на рассвете, или даже вечером, к тебе явятся мой заместитель Коллин, помощник прокурора и врач. И поведут тебя в камеру экзекуций. На электрический стул. – Согред рассмеялся и похлопал его по плечу: – Все будет, как в натуре: тебя усадят, привяжут, дадут возможность прочувствовать. Вот только до рубильника дело не дойдет. Тут уж извини.

– Рубильник меня как раз и не интересует.

– Напрасно, – многозначительно упрекнул его Согред. – Как ты сам только что признал, в таком деле всегда важны детали. Иногда они многое значат.

– Ну, рано или поздно, дойдет и до рубильника. Только не в этот раз.

Согред благодушно побряхтел. Шутка будущего узника была им воспринята и даже по достоинству оценена.

– Если честно, мне интересно будет узнать, как все это способно выглядеть на страницах твоего рассказа. Так что резервирую за собой право первого прочтения и первой рецензии.

– Вот теперь начинает просматриваться и твой интерес, – остался доволен своей прозорливостью Грюн.

– Словом, у тебя появится достаточно времени, чтобы побыть в шкуре смертника. Если честно, я сам дважды проходил – условно конечно – через ритуал казни, примеряя эту самую «шкуру» на себя. Вдруг когда-нибудь пригодится. Несмотря на то что дал себе слово не возвращаться в литературу. И тогда же, в пятницу, ты уплывешь на «Страннике морей».

– А что произойдет с Шеффилдом?

Согред с удивлением взглянул на Грюна.

– Что за странные вопросы? Ты ведь знаешь, что он приговорен. Так что, извини, у Шеффилда с отплытием не получится. Ему придется вернуться в камеру, чтобы через какое-то время пройти тем же путем, только уже без надежды когда-либо попасть на «корабль свободы». Зато мы подарим ему как минимум семь суток жизни, за что он тоже будет нам признателен. Вот и все. Что еще я могу сделать и для него, и для тебя? – И, не дожидаясь ответа, спросил: – Сколько времени остается у тебя для написания рассказа, то есть до окончания срока подачи произведений?

– Не более полутора месяцев.

– Ну, знаешь, для писателя, набравшегося таких впечатлений... – должно хватить. Я, правда, не знаком с твоим замыслом... и даже не пытаюсь вывести его, понимая, что это все равно, что уводить из постели любимую женщину...

– А где в это время всего этого спектакля будет находиться Шеффилд? – вдруг встревоженно перебил его Эвард, нервно потирая платочком свои вечно потеющие ладони.

– Для тебя это важно?

– Такой эпизод может оказаться важным для развития сюжета.

Согред совершенно неожиданно и некстати рассмеялся и подбадривающе похлопал его по плечу:

– Вот ты и выдал себя: нет у тебя никакого сюжета – вот в чем разгадка. Рассчитываешь, что он появится уже в камере смертников, по ходу событий.

– Страшный ты человек, – мрачно согласился с ним Грюн. – Замысел у меня, правда, был, но теперь он уже почему-то не блещет... Так где же в это время будет Том Шеффилд?

– Можешь обидеться, решив, что я не столько оказываю услугу тебе, сколько ему. И будешь прав. Но мне действительно хочется оказать ему хоть какую-то услугу. А заодно и тебе.

– Я-то теряюсь «в догадках»: с чего вдруг ты все же решил рискнуть?

«Кажется, ты сделал неплохой ход, тюремный привратник, – скучно похвалил себя Рой. – Иначе он попросту сорвался бы с гарпуна».

– Так что это за таинственная услуга?

– На твоём месте я не был бы столь настойчивым, Эвард. – Он вышел из машины, чтобы закрыть ворота, и только потом, вернувшись за руль, недоверчиво посмотрел на писателя.

– Хочешь выпустить его? – заговорщицки предположил гость острова. – Поможешь бежать?

– Оставив на свободе его, вместо тебя?! – буквально с места рванул он машину так, что Эварда швырнуло на спинку сиденья. – Тогда уж проще самому сесть. Наивность твоего мышления, Грюн, способна поразить кого угодно. Неужели веришь, что когда-нибудь из тебя все же получится настоящий детективщик? А что касается Шеффилда... – Пауза затянулась настолько, что «мерседес» успел вылезти на вершину холма и, пропылив мимо тюремной стены, выбраться на дорогу, уводящую в глубь острова.

Опустив боковое стекло, Эвард какое-то время осматривал оставшийся внизу городок, открыв для себя, что по ту сторону хребта, в долине, между заливом и скалами, расположен еще один довольно большой городской район, посреди которого высился даже какой-то двенадцатизэтажный «небоскреб».

– ...Так что же там действительно «касается» Шеффилда? – не удержался Грюн, исчерпав все свое терпение.

– За пределы тюрьмы выпустить его, конечно, не могу. Он убежит, а я, как ты понимаешь, не самоубийца. Мне не хотелось говорить тебе, но, коль уж ты настаиваешь... Эту ночь он тоже проведет в камере экзекуций. Но не на электрическом стуле, а в лежбище палача. И, как ты понимаешь, не один.

– Все ясно! Со своим адвокатом Эллин Грей... – озорно улыбнулся Грюн, словно мальчишка, сумевший разгадать одну из великих тайн взрослых.

– Как ты понимаешь, это последняя просьба Шеффилда, его мольба. Как и ее – тоже.

– Смертник проводит ночь накануне казни в комнате палача, наслаждаясь любовью со своим адвокатом... Оказывается, бывает и такое!

– А ведь это уже сам по себе сюжет, разве не так? – вкрадчиво подбросил идею Согред.

– Ты прав! – ухватил его Эвард за плечо. – Может быть потрясающая завязка.

– Оставь мое плечо, – проворчал Согред, – иначе твой сюжет погибнет вместе с нами. Кстати, он вполне годится не только для рассказа, но и для хорошего романа. Главное ведь заключается в «кристалле истины», а все остальное – секс, погоня, дотошный следователь, придурковатые полицейские – приложится. Я не прав?

– Но ведь это действительно завязка! – не слушал его Грюн, увлеченный магией творческого озарения. – За мной – лучший столичный ресторан. В честь тебя. И самая красивая женщина – на всю ночь.

– Урвав столь солидный куш на конкурсе детективного рассказа, ты сможешь позволить себе даже такое, – с завистливой грустью согласился Согред. – Поэтому поменьше расхваливай сюжет, иначе сам использую. По праву соавтора. Шучу, шучу. – Теперь уже он сам тронул за плечо Эварда. – Столько лет не братья за перо! Чистого листа я теперь боюсь, как ведьма святой купели.

– Нет, старик, ты даже не представляешь себе, какой фантастический ход ты мне подкинул. Я, конечно, обмозгую, обсосу его на досуге.

- В камере смертников? Если верить Шеффилду, там хорошо думается.
- А я смогу указать, что рассказ написан в камере смертников?
- Почему бы и нет? Не указывая тюрьмы. Кто из чиновников министерства юстиции способен поверить в такое? Решат, что выдумка? А вот читатель клюнет, это стопроцентно. Кроме того, не забывай о биографах и прочих литературоведах, для которых когда-то, со временем, этот факт станет сенсационной находкой века.

18

Едва добравшись до своего кабинета, Согред тотчас же вызвал Стива Коллина. Тот вошел, с трудом переставляя негнувшиеся ноги и приглушенно постанывая после каждого шага. Рак желудка, в соединении с прогрессирующим циррозом печени, – такое способен вынести не каждый. Каким образом Коллин все еще удерживался на плаву, этого уже не могли понять ни его лечащий врач, ни отрекшийся от него ангел-спаситель. Истощенное пергаментное лицо, глубоко запавшие в коричневые воронки глаза, дрожащие руки... Каждый день Стив напичкивался лекарствами, однако проку от них становилось все меньше.

– Садись, Коллин, – как всегда, сухо и деловито молвил начальник тюрьмы. – До пятницы осталось три дня. Ты уверен, что выдержишься?

– Уверен. Как и мой врач.

– Мерилд всегда уверен только в том, во что давно уверовал его пациент, – саркастически ухмыльнулся Согред. – Завтра на рассвете «Странник морей» берет курс на континент. У тебя есть возможность уйти на его борту. – Согред выжидающе уставился на своего заместителя. – Но приказ о твоём выходе в отставку будет издан лишь в пятницу. Взвесь: ты ничего не потеряешь.

– Что мне там делать, на материке? Свалиться на плечи семьи, в которой меня давным-давно никто не ждет и в которой никто не пожелает оплачивать мое умирание? – Пальцами Коллин пробежал по краешку стола, словно по клавишам рояля, и виновато взглянул на шефа. – Извини, Согред, но мне там уже действительно нечего делать. Со мной все кончено.

Согред помолчал, побряхтел, отрешенно глядя куда-то в сторону, и, наконец, выдал из себя:

– Трудно соглашаться с этим, но ты прав. Сегодня утром я беседовал с Мерилдом. Он, конечно, не академик и не онкологическое светило. Тем не менее его познаний вполне достаточно, чтобы разобраться в твоих снимках, анализах и симптомах.

– Чтобы разобраться в них, мне уже не нужен никакой врач.

– Устроить тебя в госпиталь?

– Мне только недавно сделали операцию.

– Помню, – поморщился Согред. – Дошел слух, что она оказалась... более или менее успешной. – Он вздохнул и развел руками.

– К тому же значительную часть денег я отправлял на материк, оплачивая лечение дочери. Да еще и помогал матери.

– Одна из лучших лечебниц США. Для дочери, которую ты и в глаза не видел, это неплохо, – согласно кивал в такт каждому слову Согред. Эти познания он почерпнул из рассказов самого Коллина, однако обреченному всякий раз приятно было слышать о том, что шеф помнит, как много он сделал для своей единственной дочери. – Жаль, что все кончилось ее гибелью.

Коллин недоверчиво побряхтел, давая понять, что ему не хотелось бы возвращаться к этой трагедии.

– Почему ты вдруг заговорил о моей отставке, Рой? – На материке Коллин работал надзирателем в той же тюрьме, заместителем начальника которой являлся Согред. Они никогда не слыли друзьями, но доверяли друг другу и оказывали различные услуги. Вот почему на остров Согред перетащил его с резким повышением в должности, зная, что получает на новом месте верного ему человека. И не ошибся: все эти годы Коллин оставался преданным ему, как бездомный, неведь откуда прибившийся пес. – Нет, в самом деле, почему вдруг? – встревожено повторил Коллин, хотя тревожиться по таким пустякам уже не имело смысла.

– Ты по-прежнему намерен «предать себя океану»?

– По обычаю обитателей Последнего Пристанища, – виновато как-то ухмыльнулся Коллин. – Я долго думал. По-моему, это достойнейшая из смертей, которую способен выбрать человек, выросший в семье рыбака и пять лет прослуживший на военном флоте. Думаю, что барахтаться буду недолго. Ты же знаешь, что я панически боюсь воды.

Согред несколько раз прошелся взад-вперед по кабинету и, остановившись в дальнем углу, сунул руки в карманы брюк с такой решительностью, словно намеревался выхватить из них по пистолету.

– Я помогу тебе, Стив. Я знаю одного человека, у которого дома хранится небольшое взрывное устройство. Когда-то он чуть было не угодил за одно дельце в наш тюремный «Рейдер-отель», но я спас его. Уверен, что этим своим сюрпризом он пожертвует. Минируешь лодку, на которой ты намерен будешь «предать себя океану», после чего – взрыв, мгновение... И все кончено. Если только ты одобришь такое решение.

– Я всегда считал тебя своим покровителем, Согред. С того самого дня, когда ты занял мне денег и этим тоже спас, иначе, из-за томившего меня долга, паршивый мексикашка из Сент-Сиодадо натравил бы на меня своих дружков.

– Она, взрывчатка то есть, сработает неожиданно. Я не хочу, чтобы ты мучился. Видит Бог, ты и так достаточно настрадался.

– Иногда мне кажется, что Бог уже ничего не способен видеть. Особенно, всего того, что касается меня.

Согред не стал разубеждать его. Достав чековую книжку, он выписал чек и протянул его Коллину.

Тот взглянул на написанную там сумму, потом, почти с ужасом, на шефа, и дрожащей рукой уложил бумажку на лежащий перед Согредом старинный письменный прибор.

– Я этого не приму.

– Не становись в позу, Стив. Сегодня же ты передашь его с помощью кого-либо из экипажа на материк. Для матери.

– Я не могу принять такого подарка. Это не в моих правилах.

– Разве я когда-нибудь страдал от излишней щедрости? – вновь пододвинул чек поближе к Коллину.

– Тогда, как понять?.. Чем могу быть полезен?

– Возможно, мне придется попросить тебя об одной услуге.

– Меня – об услуге? Издеваешься, Рой? – желчно и в то же время растерянно улыбнулся Коллин. – Издеваешься...

– Я свои условия выдвинул и финансово подкрепил, – еще жестче молвил Согред, возвращаясь в свое кресло. – Слово за тобой.

– Что я должен сказать?

– Что окажешь мне небольшую услугу, если таковая мне понадобится, резко подался к нему через стол Согред. – Каковой бы она ни была.

Коллин опустил глаза, затем так же покорно опустил голову. Однако на сей раз отодвигать чек не решился.

– Надеюсь, эта услуга не будет граничить с преступлением?

Вместо ответа Согред зло осклабился. Ему не понятны были терзания человека, который никакому земному суду уже неподсуден.

– Ладно, Рой, сделаю все, о чем попросишь. Потому что это попросишь ты. – Он сунул чек в бумажник и поднялся, намереваясь уйти.

– Первая просьба последует немедленно, – остановил его начальник тюрьмы. – Ты сейчас же приведешь ко мне Томаса Шеффилда.

– Смертника?! – несказанно удивился Стив.

– Все мы смертники, Коллин. И я конечно же помню, что это строго запрещено инструкцией. Но ведь ты делаешь это по приказу начальника тюрьмы, не правда ли? – Коллин кивнул и, болезненно поморщившись, вцепился костлявыми пальцами в живот.

– Зачем он тебе понадобился? – проговорил сквозь стон. – Сходи к нему – и все будет в пределах закона.

– Ты слышал мою просьбу, Стив.

– Как знаешь. Приму лекарство – и сразу же приведу.

– Не афишируя это и не привлекая излишнего внимания. Охраннику объясни, что ведешь его к врачу.

– Не пойму, что ты задумал, Согред, но, ей-богу, мне не хотелось бы, чтобы ты влезал во все это тюремное дерьмо. Даже если речь идет о жизни твоего кумира, писателя Шеффилда.

– Как только отведешь его назад, в камеру, поторопись с чеком на «Странник морей», – прозрачно напомнил ему о договоре начальник тюрьмы.

19

Когда дверь камеры каземата открылась, Шеффилд поднялся с лежака и уставился на Коллина.

– Это еще не казнь, – небрежно обронил заместитель начальника тюрьмы, остановившись в проеме. – Как и везде, у нас это делают на рассвете.

– Дурацкая традиция.

– По-моему, в вашем романе «Казнь через повешение» процедура сия описана достаточно профессионально.

– Не упоминайте о моих книгах, мистер Коллин, – прокрипел зубами узник. – Сейчас это неуместно.

– Оскорблений вы побаиваетесь больше, нежели жертвы побаивались уготованной вами смерти. – Коллин терпеть не мог писателя-убийцу и никогда не скрывал этого. Самый отпетый уголовник-рецидивист выглядел, в его представлении, куда более человечным, нежели этот, некогда холеный чистоплюйчик.

– Я попросил бы вас, мистер Коллин!.. Ни в одном из убийств, которые мне приписывают, вины моей нет.

– Перед вами – не судья, – устало молвил Коллин. – К вашему счастью.

Несколько секунд узник и тюремщик смотрели друг другу в глаза, и взгляды их были преисполнены неистребимой и бессмысленной ненавистью, которой они не знали, как распорядиться.

– И что же произошло бы, если бы судьей оказались вы? – неожиданно взъярился Шеффилд, угрожающе надвигаясь на заместителя начальника тюрьмы. – Придумали бы нечто пострашнее смертной казни? Заменяли электрический стул четвертованием? Нет, возжелали бы еще чего-либо похлеще?

– Весьма сожалею, что не вправе сделать этого, – процедил Коллин. Электрический стул – слишком интеллигентный способ. Сержант! – обратился к стоявшему за дверью охраннику. – Наручники!

Шеффилд покорно подставил заметно исхудавшие, трясущиеся руки под «кольца неволи», проглотил собственную ухмылку и вновь затравленно взглянул на Коллина. Широкоплечий, поджарый, в черном жилете, черных брюках и белой, пусть даже не первой свежести, рубашке, он все еще хотел казаться аристократом. Не был бы Том смертником, его давно заставили бы переодеться в «тюремный смокинг», но от Шеффилда этого потребуют лишь перед выводом на казнь. К тому же на Рейдере, этом острове смертников, уже давно не придерживались многих условностей, без которых никак не обходились в континентальных тюрьмах.

Коллин скользнул презрительно-недовольным взглядом по узнику. Ни тюремная желтизна, ни камерный плен смертника так по-настоящему и не коснулись его. Возможно, потому, что до самого суда Шеффилду не верилось, что присяжные могут признать его виновным. Точно так же теперь ему не верилось, что его не помилуют. Слишком уж, как убежден был сам Шеффилд, он популярен в стране.

Вспомнив об этом, Коллин мстительно рассмеялся, сохранив, однако, абсолютно невозмутимое выражение лица. Шеффилд пока что не знал того, что было известно ему, – сегодня утром начальнику тюрьмы по секрету сообщили из прокуратуры, что в помиловании писателю-убийце отказано. Письменное сообщение об этом будет доставлено, по всей вероятности, завтра, пограничным катером, услугами которого давно пользовались полиция и тюремная администрация. День казни тоже был определен: следующая пятница. «И если Шеффилд рассчитывает, что экзекуция будет происходить при толпе журналистов и стае телекамер, – он

непростительно ошибается, – молвил себе Коллин. – На Рейдере это не принято. Здесь убивают, как на бойне».

Единственное, чего не мог понять Коллин: зачем начальнику тюрьмы понадобилось вызывать обреченного к себе? Неужели Рой Согред настолько благоволит к живому классику – ко все еще живому, уточнил Стив, что решится сообщить ему о дне казни сегодня, в нарушение инструкции? Но на кой черт это понадобилось? Чтобы позволить Шеффилду в течение недели написать свой последний детектив? Что-то вроде исповеди перед эшафотом? Или подскажет, как бежать?

Коллин хрипло прорычал, причем не мысленно, а вслух, как делал всегда, когда решительно не соглашался с самим собой. Согред никогда не пойдет на это! Хотя он и отрекся от пишущей машинки, но Шеффилду продолжает завидовать до сих пор. Как, очевидно, любой из их литературной братии.

– Идите вперед, Шеффилд.

– Так все же, куда меня?..

– Я ведь сказал: это еще не казнь.

– Может, вам известна и дата казни? – задержался Шеффилд уже в двери, когда сержант взял его за предплечье. Вопрос был явно провокационным, однако Шеффилд не первый, кто задавал его Коллину в этой тюрьме.

– Порядок известен: вас казнят сразу же, как только будет отказано в помиловании.

Обычно в таких случаях Коллин добавлял: «Чего, будем надеяться, не произойдет», однако на сей раз любезничать подобным образом не стал.

20

– Сразу же хочу предупредить вас, мистер Шеффилд, что ничего такого, душеспасительного, сообщить вам не смогу.

Смертник сидел в кресле у стены и угрюмо, исподлобья, изучал начальника тюрьмы. Эллин как-то сказала ему, что в свое время Рой Согред начинал как писатель и что его рассказы даже появлялись в «Западном побережье», однако ни оптимизма, ни уважения к нему со стороны Шеффилда это сообщение не прибавило. Наоборот, узник был уверен, что несостоявшийся собрат по перу не сможет простить взлета его известности, а потому постарается всячески досаждать.

– Вряд ли вы пригласили меня только для того, чтобы поведать эту сногшибательную новость. Значит, последует еще что-то?

– Официально вам сообщат об этом завтра утром. Но уже сегодня, конфиденциально, могу уведомить, что в помиловании вам отказано. – Произнося это, Согред смотрел не на узника, а на лежащий в выдвинутом ящике стола пистолет, словно собирался привести приговор в исполнение немедленно. – Вам, Том Шеффилд, отказано в помиловании, и это – суровая реальность, от которой никому из нас не уйти.

Только сейчас он взглянул на смертника, и был немало удивлен, заметив, что сквозь смертельную бледность его лица все же кое-как пробивается улыбка – неестественная, больше смахивающая на гримасу, тем не менее...

– Вы сказали «никому из нас»? Но при чем здесь вы, несостоявшийся «бессмертный»? – нашел в себе смертник мужество съязвить. – Лично вам никогда не познать ни славы, ни бесславия. Даже палач вами побрезгует, и вы уйдете из мира сего такой же кучей червивого дерьма, каковой появились в нем.

– Выскажи вы все это начальнику любой другой тюрьмы, охранники долго и старательно массажировали бы вам ребра, почки и все прочие органы, а затем позволили двое-трое суток отдохнуть в карцере, – невозмутимо парировал Согред. – Но перед вами – единственный из этой начальственной братии, который не желает доводить встречу до подобного исхода. Что же касается отказа в помиловании, то вы должны были подготовить себя к этому. Увы, титулованного, окуренного славой смертника помиловать порой куда труднее, нежели безвестного убийцу, к которому общественное мнение и пресса безразличны.

– Когда меня казнят? – спросил обреченный, каждое слово произнося по слогам; так ему легче было справиться с волнением.

– В один из ближайших дней. Точной даты вам лучше не знать.

– В ближайшую пятницу?

– Не исключено.

Шеффилд нервно подергал плечами, словно намерен был освободиться от наручников. Согред мельком взглянул на пистолет, затем на дверь, за которой стоял Коллин. Охранника Согред отослал, но Коллина попросил остаться. От смертника можно ожидать чего угодно, поэтому лучше подстраховаться с помощью хоть какого-то свидетеля.

– Уже... в эту? – едва слышно уточнил Шеффилд, и огромный багровый лоб его покрылся липкой бледностью, голос стал сиплым и срывающимся.

– Опытным адвокатам иногда удается растянуть ожидание казни на несколько месяцев. Бывает, что приговоренного не казнят по каким-то иным причинам, и пытка ожидания длится столь долго и мучительно, что смертники начинают молить о казни с большим упорством, чем до этого – о помиловании.

Шеффилд молчал, глядя на начальника тюрьмы с полубезумной ненавистью. Вряд ли в эти минуты он пытался уловить смысл и логику своей беседы с Согредом. Тюремщику даже показалось, что писатель-убийца находится в состоянии, близком к прострации.

«Лучше спроси, как бы чувствовал себя в подобной ситуации ты сам, – подумалось Рою. – Он-то еще держится. Тебя бы на это не хватило».

– Вы в состоянии взять себя в руки, мистер Шеффилд?

– В состоянии, – безропотно подтвердил смертник.

– Прежде, чем мы продолжим разговор, внимательно прочтите этот небольшой сценарий.

– Какой еще сценарий?! – окрылся Шеффилд.

– Очень похожий на те, по которым вы создавали свои романы. Да не тушуйтесь! Теперь-то вам уже бояться нечего. Коллин!

– Да, сэр, – появился в двери заместитель начальника тюрьмы.

– Снимите с осужденного наручники.

– Но, сэр...

– Он дал слово чести, что не воспользуется нашей благосклонностью. К тому же мы с вами вооружены.

– Это верно, Коллин. Можете не опасаться, – взволнованно подтвердил Шеффилд, потянувшись взглядом к исписанным таким знакомым ему почерком Эллин Грей листам.

Пока он читал, Согред внимательно следил за выражением его прыщеватого, усеянного шрамами от старых фурункулов лица – с широким мясистым носом, тонкими шершавыми губами и узким, заостренным, словно бы созданным для эспаньолки, подбородком. Аристократизм его одежды никак не гармонировал с плебейским строением некрасивого, почти отталкивающего лица.

«Как только Эллин могла влюбиться в этого уроды? – спросил он себя. – Но тотчас же ответил: – забываешь о магии писательского имени».

– Может быть, объясните, что сие означает? – наконец, оторвался Том от сценария.

– Сюжет вашего будущего рассказа. Который будет представлен на конкурс, вначале на лучший детективный рассказ Фриленда, а затем – и континента.

– Под вашим именем, – оскалил крепкие, но уже покрытые желтизной неухоженности зубы Шеффилд.

– Естественно. А вы бы желали под своим? Так ведь жюри не решится дать премию убийце.

– Хорошенькая история, – коротко, зло рассмеялся Том, забыв на время о предстоящей казни. – Это следует понимать так, что, воспользовавшись моим талантом, вы хотите войти в литературу?

– Не будем сейчас о таланте. Философы так и не пришли к единому мнению по поводу определения этого термина. Воспользуемся выражением: «добротное, профессионально написанное рассказ».

– Зато суть моего вопроса предельно ясна и остается той же.

– Единственное, что я вам обещаю, – рассказ будет основательно переделан. В нем ничего не останется от стиля и манеры Тома Шеффилда. Я позаимствую лишь фабулу. Баснописцы, насколько мне известно, только тем и занимаются, что великодушно сдирают друг у друга фабулы басен и побасенок. И ничего.

– Хотите, чтобы я швырнул вам все это в лицо?! – побагровел Шеффилд. – Вы этого добиваетесь?

Согред остался невозмутимым. Налив себе пепси, другой стакан, предназначенный для собеседника, он оставил сухим. Заметив это, Шеффилд жадно проглотил запекшийся комоч слюны.

– На вашем месте я бы поинтересовался, что взамен, – смаковал напиток начальник тюрьмы.

– И что же... взамен? – спросил Шеффилд таким тоном, словно увидел перед собой нищего, который решил одарить своим, тоже нищенским, подаванием.

– Свобода, Шеффилд. Жизнь, свобода... Это ваш гонорар, ваша премия, ваш лавровый венок лучшего детективиста континента, пусть даже и не названного по имени. Что вас не устраивает в моих условиях, Шеффилд?

Смертник смотрел на него с широко раскрытыми глазами и ртом.

– Брось, Согред. Тебе нужен только мой рассказ. Ты и пальцем не пошевелишь, чтобы вытащить меня отсюда. Да это и невозможно.

– Вы забываете о своем адвокате, Эллин Грей. Она не даст мне воспользоваться плодами вашего труда, пока не выполню условий соглашения. Вот адресованное вам письмо. – На листике, который он извлек из ящика стола, было всего несколько фраз: «Согласись, Том. У тебя нет выбора. Остальное беру на себя. Эллин».

Ей-то вы все еще верите? – спросил Согред, не давая Шеффилду опомниться.

– Не больше, чем вам.

– Не может быть. Это исключено.

– Может. С некоторых пор.

– В таком случае, отправляйтесь в камеру смертников и ждите казни. Все. Коллин, в наручники этого заключенного!

– Постой, Рой, постой! – занервничал Шеффилд, увидев на пороге заместителя начальника тюрьмы. – Мы ведь еще не договорили. Не нашли общего языка.

– Поскольку я не прокурор.

– Я действительно отнесся к твоему предложению скептически. – Он оглянулся на Коллина, не решаясь продолжать разговор при нем.

Едва заметным движением руки Согред вновь выставил своего заместителя за дверь.

– Более чем скептически, мистер Шеффилд.

– Но как это может произойти? И почему вы решаетесь на этот шаг? Ради премии? Ради однодневной славы?

Согред тяжело выдохнул, будто с трудом вырывался из глубины моря, и красноречиво развел руками.

– Я не пастор, Шеффилд, и не требую раскаяний. Единственное, чего я добиваюсь, – чтобы вы уяснили для себя ситуацию.

– Вот я и пытаюсь уяснить: каким образом вы сможете вытащить меня отсюда? – почти до шепота притишил он голос.

– Мне показалось, что вы невнимательно прочли сценарий Эллин Грей.

– Что? Таким вот образом?! – постучал он указательным пальцем по листам. – Да здесь, в «Рейдер-Форте», это в принципе невозможно! В рассказе или в романе подобный сюжет вы еще кое-как слепите. Но не в реальной жизни.

– Вы, как всегда, неправы.

– Почему «как всегда»?

– Как всегда! – тоже по складам подтвердил Согред. – Но именно здесь, в крепости, это вполне возможно. Если к тому же учесть, что в благополучном исходе заинтересованы сразу три человека: начальник тюрьмы, его заместитель и адвокат смертника.

– Ему-то все это зачем? – кивнул в сторону двери.

– Вас это не касается, заключенный Шеффилд. Не лезьте не в свое дело.

– Понял, – прикрылся ладонями Том. – Пардон. Меня это действительно не касается. Но этот сценарий... – вновь врезался ногтем в лист бумаги – он что... действительно годен к «постановке на сцене бытия»?

– Режиссер, исполнители главных ролей, даже осветители... – все на месте. Задержка только за вами.

Шеффилд нервно постучал кулаками по столу и оглянулся.

«Он уже весь поглощен надеждой, – понял Согред. – С этой минуты он подвластен только ей. „Четвертование надеждой“ – так это должно именоваться в криминальной психологии».

– Трех суток для создания рассказа вам хватит?

– В былые времена хватало бы и двух дней.

– Я спрашиваю: для этого рассказа трое суток вам хватит?

– Вполне. Неужели идиот, который должен заменить меня, решится на такой шаг?

– Вы должны молиться на этого человека.

– Прежде, чем подставлю его палачу, – зло ухмыльнулся Шеффилд.

– Да вы, оказывается, щепетильны. Вот уж не думал.

– Мы опять отвлеклись, – понял свою ошибку смертник. – Как его зовут?

– Грюн. Грюн Эвард. Он – тоже писатель.

– Имя, в общем-то, знакомое. Как-то, мимоходом, виделись...

– Так вот, Эвард уже решил. Сегодня же напишите письма своему адвокату, прокурору и начальнику тюрьмы о том, что просите не откладывать казнь.

– Разве принято решение отложить ее?

– И никогда не будет принято. С вами никто не хочет иметь дело. Вы просите не откладывать казнь, во имя милосердия к вам. Уж не знаю, насколько подобные письма могут иметь реальную юридическую силу. Но, в любом случае, не помешают.

– Я напишу их сегодня же. Неужели этот Грюн Эвард решится? Не могу поверить.

– От вас этого и не требуется, Шеффилд. Кто вы теперь такой: «верю – не верю»? Стопку бумаги и ручку вам принесет мистер Коллин. Отрешитесь от всего. Сосредоточьтесь только на рассказе. Пишите его, как пишут последнее в своей жизни произведение.

– В моем положении в этом не так уж и трудно убедить себя, мистер Согред. Поверьте мне.

21

Возвращаясь вечером домой, Согред остановил машину у небольшой сосисочной, расположенной в соседнем переулке, почти напротив его особняка. Сидя у витрины и задумчиво пережевывая щедро политое острой приправой мясо, он время от времени посматривал на окна второго этажа своего дома. Когда два из них, в комнате, которую снимал Грюн Эвард, озарились ярким голубоватым светом, он облегченно вздохнул и взглянул на часы. Без четверти семь. Пока что все шло по сценарию.

Рой мысленно представил себе, как, сидя в растерзанной постели, Эллин неторопливо надевает колготки, демонстрируя при этом красоту своих ножек. Затем, стоя у зеркала, поправляет волнистую прическу.

Только что в его доме и в его постели творческий недруг по перу Грюн Эвард развлекался с одной из красивейших женщин этого города, в которую сам он, Согред, уже безбожно влюблен. Тем не менее он не ощущал ни ревности, ни зависти, ни даже элементарной человеческой досады. С сегодняшнего дня Эвард принадлежал к тем, кому Согред уже не способен был бы позавидовать.

Медленно дожевав последний кусок говядины, он заказал себе еще бутылку вина и, почти припадая лбом к стеклу, стал терпеливо ждать.

«Теперь она принялась за костюмирование Грюна, – по-сатанински ухмыльнулся он, когда большая стрелка часов доползла до двенадцати. – „Последнее одевание перед казнью“ – так это называлось бы на полотне художника».

Еще утром Эллин сама сделала Эварду короткую стрижку, а в дорожной сумке у нее оказалось точно такое же одеяние, в какое был облачен Том Шеффилд. К тому же она его основательно загримирует, наведя на лице такую же прыщеватость, каковой отличался бывший возлюбленный. За все эти ее старания Грюн уже частично расплатился с ней в постели. Мог ли он догадываться, что на рассвете, если только ничего не сорвется, заплатится еще и жизнью?!

«Он сам этого хотел, бездарь», – молвил про себя Согред и, расстегнув лежащую на столе папку, которую даже не решился оставить в машине, вновь прошелся по сценарию их рейдерской авантюры. Все, что приходилось читать повторно, Рою обычно не нравилось. Но и после третьего прочтения сценарий Эллин поражал изысканностью своей интриги, дьявольской неотвратимостью сюжетных ходов, за каждым из которых – роковая линия судьбы да вселенская обреченность на коварство и грехопадение.

Не было разве что концовки. Все еще не было. Если бы только Шеффилду удалось с той же степенью талантливости создать сам рассказ! Наверняка это было бы лучшим из всего, что когда-либо создавалось во Фриленде за все время существования страны.

А какой шум поднялся бы, если бы авантюра вдруг оказалась раскрытой. Она принесла бы ему, Шеффилду, известность, какой никогда не добивался ни один писатель страны.

«Впрочем, в главных героях ее все равно оказался бы Шеффилд, – неожиданно открыл для себя Согред. – И его любовница, она же адвокат. А ты вновь предстал бы перед уголовным миром эдаким тюремным придурком, решившим позариться на чужой талант и, в конце концов, потерявшим даже то, чего добился за все годы службы. Вместе со свободой».

Он резко оглянулся, словно интуитивно почувствовал, что за ним уже пришли. Груды барменши покоились на стойке бара, как две вязки увядших бананов.

Встретившись со взглядом Согреда, она тоскливо и безнадежно, словно истосковавшаяся дворняга, позвала его, наперед зная, что он не отзовется.

– Погоди хоронить себя, – пробормотал Рой, отводя глаза и вновь наполняя бокал. Вино попало какое-то совершенно не хмельное и безвкусное, будто не из винограда его надавили, а из пережеванных жвачек. – «Сценарий составлен чертовски хитро. Все зависит от концовки.

Интересно, какой ее видит Шеффилд? А сама Эллин? А прибившийся на Рейдер в поисках своего „психологического натурализма“ Грюн Эвард? Круто замешано, круто! „Психологический натурализм“, – оскалился Согред матерым волчьим оскалом. – Уж кто-то, а ты, Грюн, познаешь его сполна. Замыслившему этот интеллектуальный бред полоумному профессоришке такое даже не снилось».

Реальная возможность в течение одной-единственной ночи расправиться и с ненавистным его Грюном Эвардом, и с живым – все еще живым! – классиком; заодно завладев его рукописью, – затмевала сейчас в сознании Согреда все: страх перед возможным провалом, элементарную осторожность, желание оказаться там, на втором этаже, у ножек островной секс-бомбы.

«Тот, кто хоть однажды вкусил от „плодов“ литературной славы, уже не способен отречься от нее, – стукнул кулаком по столу Согред. – Не способен – вот в чем погибель!»

22

Домой Согред так и явился с недопитой бутылкой вина.

Заслышав шаги, Эллин, а вслед за ней Грюн Эвард спустились со своей голубятни, чтобы здесь, в гостиной, поприветствовать его и доложить, что они готовы.

– Не умеете ценить работу, мистер Согред, – упрекнула его Эллин, аристократическим жестом представляя Грюна Эварда. – Перед вами узник камеры смертников Том Шеффилд. Жертва правосудия и легенда крепости-тюрьмы «Рейдер-Форт».

– Потому и завидую, что ценю... вашу «работу», – улыбнулся Согред той же улыбкой из подворотни, какой еще недавно завлекала его барменша из сосисочной.

– Не льстите мне, Согред. И вернитесь к действительности.

Рой галантно склонил голову и тотчас же критически, с ног до головы, осмотрел Эварда. Это был взгляд начальника тюрьмы. Особое внимание его привлекло лицо. С помощью всевозможных красок и теней Эллин привела его почти в полное соответствие с оригиналом. Нужно быть слишком придирчивым к человеку, идущему на смерть, чтобы обнаружить в нем хоть какие-то более или менее заметные перемены.

– По-моему, вдвоем вам, Грюн, было там, – повел подбородком в сторону ведущей вверх лестницы, – чертовски хорошо. Стоит ли портить такую ночь, отдавая ее камере смертников? Подумай, Грюн. Я бы на твоём месте...

– Ты на своём месте уже «отсидел» по разным тюрьмам добрых полтора десятка лет, – хмельно сатанел Эвард. – Пусть даже в роли начальника. Так позволь мне отсидеть хотя бы одну ночь. Чтобы познать, что такое истинный психо-натурализм.

В постели женщина, очевидно, не щадила его, что, впрочем, не помешало Эварду довольно основательно нализаться.

– То есть ты твердо решил ехать в «Рейдер-Форт»?

– Кажется, ты желаешь унижить меня в глазах этой прекрасной леди, – великосветски подхватил Грюн под руку адвоката. – И свести на нет весь ее труд.

Поцелуй, в котором он припал к руке женщины, засвидетельствовал, что Грюн не прочь бы вновь вернуться в постель. Близость тела Эллин пьянила его сильнее вина.

– Это твоё решение, Грюн, – совершенно иным, суровым голосом заявил Согред. И все же немного выждал. Если бы Грюн хотя бы заколебался сейчас, он наверняка отставил бы поездку в тюрьму. И попытался свести всю «операцию по освобождению Шеффилда» к шутке. Рою очень хотелось, чтобы искатель приключений отказался от своего замысла. В этом ему виделось собственное спасение. Но Эвард твердо стоял на своём. – Это твоё решение, – повторил начальник тюрьмы. – Хотя мне вполне понятны его мотивы.

– Во всяком случае, старик Краузе одобрил бы его.

– И непременно одобрит, – поддержал Согред. – Даже пребывая на том свете.

– Главное, чтобы он одобрил произведение, которое появится вследствие моих экспериментов.

Согред не ответил. Все, что можно было сказать по этому поводу, уже сказано, поэтому он терпеливо выдержал паузу, вполне достаточную для того, чтобы получить право перейти к обсуждению конкретных действий.

– У нас, друзья мои, проскользнет всего одна неточность: вместо казни будет имитация, и проведем мы ее сегодня же, вечером. Ровно в девять. Чтобы не тревожить на рассвете ни тебя, Эвард, ни людей. Тем более что утром Шеффилд должен вернуться в камеру. Не возражаешь?

– Против возвращения Шеффилда в камеру? – хмельно улыбнулся Эвард, покачиваясь перед Согредом на носках.

– Против казни, – жестко уточнил начальник тюрьмы, незаметно переглядываясь с Эллин. Автор сценария этой смертоубийственной авантюры стояла, опершись локтем о пьедестал выполненного из красного дерева бюста Наполеона. Она оставалась невозмутимой, как великий корсиканец перед сражением под Ватерлоо.

– Мсье палач, я готов. – Согред обратил внимание, что лицо Эварда отекло, глаза налились сонной истомой.

«Как бы он не уснул мертвецким сном еще до казни!» – всполошился начальник тюрьмы, вспомнив, что в последний бокал, который Эвард должен был опустошить уже после бурных сцен любви, – в постели Эллин настроена была получить все сполна, – эта фурия обещала подсыпать Грюну какое-то особое снотворное. Правда, адвокат уверяла, что доза окажется настолько мизерной, что он не уснет. Будет лишь основательно, почти до полной деморализации, ослаблена его воля, но кто знает...

– Не волнуйтесь, Согред, не волнуйтесь, все в порядке, – поняла причину его тревоги Эллин.

23

Шеффилд вносил в рукопись рассказа последние поправки, когда дверь камеры со скрипом распахнулась и появился Стив Коллин. Заметив его, смертник поспешно сгреб в кучу листы и, не зная, куда их спрятать, прижал к груди, словно мальчишка, застигнутый за книгой, читать которую ему не позволяли.

– Я не собираюсь лишать вас этой улады, мистер Шеффилд, – не упустил своей возможности Коллин. – Святотатствуйте над словом, святотатствуйте.

– Прощу прощения. Это произошло инстинктивно. Мы договорились, что рукопись я отдам мистеру Согреду только в том случае, когда смогу убедиться, что...

– Ваши договоренности с мистером Согредом меня не интересуют, – прервал его Коллин. – Следуйте за мной. Старайтесь идти плечо в плечо, наклонив голову, ни на кого не обращая внимания.

– Я все понял.

– Поняли вы, конечно, далеко не все. Тем не менее потрудитесь строго придерживаться всех моих указаний. Это в ваших интересах.

– Считаете, что Согред выполнит свое обещание?

– Он – джентльмен, мистер Шеффилд, – резко отреагировал Коллин. – У вас нет оснований сомневаться в этом.

– Теперь я больше всего сомневаюсь в том, что все, что происходит сейчас со мной, происходит наяву.

– Зато шествие к электрическому стулу показалось бы вам упоительным сном.

Только в кабинете начальника тюрьмы они, наконец-то, впервые столкнулись лицом к лицу.

– Мистер Шеффилд? – спросил Грюн.

– А вы – мистер Эвард? – едва слышно отозвался все еще живой классик.

– Извините, что не смогу заменить вас в ту судную ночь, которую вам еще только предстоит пережить.

– Можете считать, что эту ночь вы мне уже подарили, – рискованно парировал Шеффилд.

– У нас нет времени, – вмешалась Эллин и, захватив Шеффилда за талию, подтолкнула к полуоткрытой двери. В два шага преодолев вместе с ним коридор, буквально втокнула его в кабинет заместителя начальника тюрьмы и извлекла из переброшенной через плечо сумки костюм Эварда. – Переодевайся, да побыстрее, – зло прошипела она. – Может, объяснишь мне, с чего вдруг я так рискую из-за тебя?

– Потому что боишься, как бы не заговорил.

– Ты уже пытался сделать это. Моли Господа, что я не злопамятна.

– Согред проболтался относительно писем? – язвительно ухмыльнулся Шеффилд, поспешно переодеваясь. – Какая же он тварь!

– Эта тварь спасает тебя, рискуя оказаться в той же камере смертников, – напомнила ему Эллин. – Как, впрочем, и я.

Шеффилд порывался было что-то ответить, но в коридоре послышались шаги, и до слуха его донесся монотонный бездушный голос Стива Коллина:

– Следуйте впереди меня, заключенный Шеффилд. Не оглядывайтесь. Не обращайтесь внимания на охранников. Старайтесь идти, опустив голову.

– Думаешь, этого ублюдка действительно удастся казнить? – прошептал Том и, не стесняясь присутствия женщины, начал стаскивать с себя брюки.

– Если не его, значит, тебя. Иной кандидатуры не предвидится. А потому моли Господа.

– Я перед тобой в долгу, Эллин. Ты – моя спасительница.

– Ты давно в долгу передо мной. Жаль, что для того, чтобы ты осознал это, понадобилось пройти через камеру смертников. Где рукопись?

Шеффилд приостановил свое переодевание и вынул из кармана брюк основательно измятые бумажки.

– Я передам их Согреду. Но прежде посмотрю, что ты там насочинял. Обычно это у тебя получалось на удивление скучно и коряво.

– Ты была прекрасным редактором, – безропотно признал Шеффилд, вновь берясь за одежду.

– Редактором! – въедливо улыбнулась Эллин. – Тебе никогда не приходило в голову, что под твоими рассказами должно стоять имя другого человека? Или хотя бы еще одно – соавтора?

– Ну, это уж слишком! – окрысился писатель-убийца.

– Вот в этом-то и все дело, – констатировала Эллин. – На твоём месте я бы такой возможности не отвергала. Оставайся хоть сейчас, в эту судную ночь, справедливым.

– Почему «судную»? – насторожился Шеффилд, замерев с пиджаком, одетым на одно плечо.

– Да потому... – замялась Эллин, не зная, каким образом выскользнуть из ловушки, в которую сама себя загнала. – Не для тебя, так для того идиота, которого только что увели в камеру, – объяснила она, брезгливо поморщившись. – Сейчас мы с мистером Согредом выведем тебя из здания и усадим в мою машину.

– Ради всех святых, сделайте это как можно скорее.

Через несколько минут Согред лично повел узника к выходу. За ними шествовала Эллин Грей.

– Этот господин со мной, – объявил он дежурному.

Сержант мельком взглянул на человека, выходящего вместе с начальником тюрьмы. Он только недавно просматривал его документы. И даже запомнил, что у него странноватое, никогда раньше не встречавшееся ему имя – Грюн. Но женщина интересовала его куда больше. Никогда раньше таких красавиц на острове он не видел. Да на Рейдере, как он полагал, их и быть не могло. Рыбачки, дочери некогда обитавших здесь каторжан и ссыльные проститутки... – вот и весь набор.

– Руки! – резко приказала Эллин, как только они с Шеффилдом оказались у машины.

Том подставил кисти раньше, чем успел сообразить, чего от него хотят. Многие месяцы, проведенные в тюрьме, приучили его подчиняться машинально, выполняя команды почти подсознательно, на уровне инстинкта. Опомнился лишь тогда, когда ощутил на себе холодную сталь наручников.

– Профессионально! – изумился он. – Но почему ты? Кто научил? А главное, зачем? – обратился уже к Согреду.

– Слишком много вопросов, – отрубил начальник тюрьмы, коротко, зло хохотнул и круто, по-военному повернувшись, зашагал к зданию тюремной администрации.

– Быстро садись в машину, – недовольно проговорила Эллин, беря инициативу в свои руки. А как только он оказался в салоне, она извлекла из кармана пиджака еще одни наручники и подвесила его руки к держателю, выступающему над дверцей. – Только так – никаких резких движений, – предупредила на всякий случай.

– Ты с ума сошла? Какие движения? Неужто всерьез решила, что собираюсь насиловать тебя прямо здесь и сейчас?

Но Эллин уже села за руль и погнала машину по направлению к дому Согреда.

– Как мы будем уходить из острова? – спросил Том и, оглянувшись на удаляющуюся стену крепости-тюрьмы, облегченно вздохнул.

– Придется морем. Для авиации сейчас нелетная погода. Не устраивает?

– Но я же обязан был спросить об этом, – робко возмутился Шеффилд.

– Пока что ты обязан молчать. Говорить, как и думать за тебя, будем мы. Не возражаешь? Главное, безропотно подчиняйся всем моим требованиям.

24

– Наконец-то все в сборе, – произнес Согред дрожащим от волнения голосом, увидев в дверях своего кабинета Эллин Грей. Его вдруг обуял страх. Он понимал, что, по существу, сейчас совершается убийство, организатором которого является лично он и за которое тоже грозит смертная казнь. Но отступить, переигрывать сценарий, похоже, было поздно.

– Благодарю, что не решались начинать казнь без меня, – молвила адвокат сухим, официальным тоном.

– Как можно?! – пробасил заместитель прокурора, тучный седовласый ирландец, акцент которого с годами становился все более выразительным и для истинного англичанина почти вызывающим. – Негодяи, которых мы, с благословения Божьего, отправляем на тот свет, даже не считали нужным для себя придерживаться хоть каких-либо норм поведения в обществе. Мы же по отношению к ним...

Садясь за скромно, по-холостяцки, накрытый стол, Эллин не столько прислушивалась к сказанному им, сколько наблюдала за тем, как он говорит. Произнося какое-либо слово, он вытягивал шею и мотал головой, будто его, слово это, с огромным трудом приходилось извлекать из душевных глубин; тройной подбородок раскачивался при этом, как потерявшее свою изначальную форму козье вымя.

– Мы не стали совершать это действие на рассвете, чтобы к восходу солнца все, в том числе и смертник, спали спокойным сном, – объяснил ей доктор Вайдер, как бы извиняясь за нарушение ритуала, что заставило Грей скептически ухмыльнуться про себя. – Уверен, что вы не будете настаивать на том, чтобы отложить казнь до рассвета.

– Какой смысл? – пожала плечами адвокат. – Приговоренный уже знает о времени, он готов... К чему растягивать мучение?

– Благоразумно, – одобрил ее позицию заместитель прокурора, поднимая свой бокал. – За тех, кому все же предстоит дожить до утра, а следовательно, приумножать грехи.

О грехах заместителя прокурора Мака О'Ннолена она уже была наслышана. Недельные запои казались самыми невинными из них. Похоже, что и сегодня он не намерен был приступить к исполнению своих нетрудных обязанностей на слишком уж трезвую голову. Тем более что коньяк был отменным. Закуски тоже хватало. Согред, как хозяин кабинета, был явно в ударе.

Когда пришло время вести «приговоренного» на казнь, Эллин неспешно поднялась и, мило улыбнувшись доктору и заместителю прокурора, наигранно пьяным голосом произнесла:

– Буду откровенна, господа. Все вы знаете о моих довольно близких отношениях с мистером Шеффилдом...

Вайдер столь же полупьяно, но уже не наигранно, кивал в такт ее словам.

– Еще бы! – развел руками О'Ннолен. – Слухи есть слухи, – хитровато взглянул на Роя Согреда, ясно давая понять, от кого исходит информация.

– Уверена, что не осудите, – простила их обеих женщина, – когда я попрошу не прерывать застолья и позволить мне провести этого талантливейшего писателя и некогда вполне законопослушного гражданина в его последний путь одной, в одиночестве. Все равно процедура казни каких-то особых демаршей со стороны обреченного не предусматривает.

– Однако же отсутствует священник.

– От священника он отказался. Таким безбожникам, как Шеффилд, исповеди ни к чему. Последнее желание он изложил письменно. В факте казни и доктор, и вы, мистер О'Ннолен, сможете затем удостовериться лично. Но уже без моего присутствия.

Заместитель прокурора брезгливо поморщился и, пьяно икнув, выплеснул в свою безмерную гортань очередную порцию коньяку.

– Это мой долг, – подтвердил врач. – «И правосудие рукой бесстрастной чашу с нашим ядом подносит к нашим же губам!»¹ – продекламировав, он высоко поднял руку, словно внушал сии слова огромной толпе. – Можете не сомневаться, адвокат, что акт о казни будет составлен, как полагается.

– Эллин права: предоставим сцену проводов в последний путь адвокату, – поддержал начальник тюрьмы просьбу Эллин. – Руководить экзекуцией будет мой заместитель, мистер Коллин.

Не дожидаясь реакции на его слова, Эллин чмокнула в щеку Вайдера, затем О'Ннолена, лениво взмахнула рукой Согреду и вышла.

¹ Цитата из трагедии В. Шекспира «Макбет».

25

Коллин дожидался ее, нетерпеливо прохаживаясь по коридору тюрьмы, буквально в нескольких шагах от камеры Эварда.

– Почему так долго? – раздраженно, хотя и вполголоса, спросил он. – Не знаете, что такое ждать?

– Спросим об этом у Эварда. Пардон, Шеффилда.

– Мне не до шуточек.

– Почему бы и не пошутить, – успокоительно улыбнулась Эллин, притрагиваясь к предплечью Коллина. – Тем более что все эти кретины остались не у дел.

– Думаешь, их присутствие что-либо изменило бы?

– Обойдемся без неожиданностей.

– Точно, не стоит гадать. Впрочем, мое дело открыть камеру и поинтересоваться, как дела. – Осознав всю бессмысленность подобного вопроса, Коллин неуместно хохотнул. – Все остальное берете на себя. Тем более что это ваш дружок, мисс Грей.

– Вы – единственный человек на этом острове, который не рискует попасть в список ревнивцев, мистер Коллин.

Когда они открыли дверь камеры, Эвард встретил их улыбкой. Он сидел за столом и писал. В эти минуты рассказ, наконец, «пошел», и он уже описывал, как, договорившись с начальником тюрьмы, его герой попадает в камеру смертников, чтобы затем написать рассказ и представить его на конкурс.

– Как дела, мистер Шеффилд? – заучено, как начинающий артист – «кушать подано», пробубнил Коллин.

– Мне придется арендовать этот «люкс» месяца на три.

– Не придется, – сухо отрубил заместитель начальника тюрьмы.

– Что это вы так категорично? – насторожился «заклученный».

– Официально.

– Ах, да, вы же – при исполнении...

– Как вам здесь творится, Грюн? – вмешалась Эллин, доставая из сумочки недопитую бутылку коньяку и два бокала.

– Завтра я его закончу, мой адвокат, – поцеловал ее Эвард в подставленные губы. – Всю прошедшую ночь и сегодня до полудня меня почему-то одолевали сон и странная анемия, словно после двойной дозы снотворного.

– Это от перемены места и условий, – поспешно заверила Эллин. – Рассказ ты закончишь еще сегодня. Кстати, каким тебе видится конец?

– Не знаю, как ты его воспримешь, но моего героя по ошибке казнят на электрическом стуле. Оказалось, что его попросту обманули, подставили, вместо приговоренного к казни, и палач, не ведая об этом «подлюге»...

– Стоп-стоп! – остановила его Эллин, чтобы как-то скрыть свое волнение. – По-моему, тебя повело. Не кажется? Конец, конечно, эффектный, но, если ты и в самом деле приведешь к нему свой рассказ, рискуешь стать посмешищем. Сразу видно, что ты плохо знаком с процедурой казни. Я права, мистер Коллин?

– Он вообще не знаком с ней, – роботоподобно подтвердил заместитель начальника тюрьмы, оставаясь в коридоре. – Еще только предстоит.

– Когда я объясню ее в деталях, Грюн, ты все поймешь. Как поймешь и то, что одна неверная деталь способна перечеркнуть правдивость всего произведения. С чем ты не согласен?

– В таком случае, тебе придется подсказать более удачную концовку.

– Переоцениваете мои скромные возможности, мистер Шеффилд. – «Вспомнив» фамилию «приговоренного», она сразу же перешла на официальный тон.

– Уверен, что тот, настоящий, Шеффилд, даже недооценивал их. В этом его трагедия.

– Трагедия его как раз в чем-то совершенно ином. Однако сейчас не время обсуждать такие нюансы.

– А жаль.

– И не упоминайте больше о «настоящем Шеффилде». «Настоящий Шеффилд» – это вы. Таковы правила игры, которую сами же вы и затеяли. – Лицо Эллин стало суровым и непроницаемым, как прекрасная, но лишенная каких-либо «живых» черт маска. И Грюн Эвард понял, что возражать, а тем более – сводить все к шутке, слишком рискованно.

– Теперь я уже не уверен, что затеял ее именно я, – слабо защищался он.

– Терпеть не могу мужчин с перебитыми хребтами, мистер Шеффилд. Это не по мне.

В руке Эллин была только одна рюмка, и она вложила ее в раскрытую ладонь Грюна.

– А вы?

– Не меня же ведут на казнь, – ответила адвокат, наполняя розоватый хрусталь, – а вас. Согласитесь, это не одно и то же.

– Но выпить все же хотелось бы с вами, а не с палачом.

Эллин чокнулась с ним бутылкой и подбадривающе, по-мужски, вздернула подбородком: «Давай. До дна». А заметив, что Эвард замешкался, объяснила:

– Моей дозой меня уже «казнили». Там, в кабинете начальника тюрьмы. Врач, заместитель прокурора...

– Они тоже здесь? – впервые по-настоящему насторожился Грюн. Очевидно, сработал «сюжетный ход» рассказа, который он так и не успел дописать.

– Спектакль есть спектакль. Да не волнуйтесь, они сюда не явятся. Остались собутыльничать с Согредом. О спектакле они, конечно, знают, однако восприняли его, как каприз заезжего писаки. Но это проблемы начальника тюрьмы. О чем вы так упорно молчите, мистер Коллин? – выглянула в проем двери. В камере смертника, наедине с Эвардом, она чувствовала себя все неуютнее.

– Время позднее, мисс Грей, – ответил тот. – Не люблю, когда подобные процедуры затягиваются.

– Он прав, заключенный Шеффилд. Чего ждете? – указала взглядом на рюмку.

– За спектакли, доведенные до логического конца, – провозгласил Грюн, не выказывая при этом никакого энтузиазма.

– Только так, до логического...

Эллин проследила за тем, как Эвард не спеша выцедил содержимое, и тут же наполнила его посудину.

– И вновь без вас?

– Учтите, что на столе мистера Согреда еще три такие же бутылки и прекрасная закуска. Начальник тюрьмы объявил, что первый тост будет за «казненным».

Она рассмеялась, однако Эвард не поддержал ее. Во взгляде и движениях его улавливалось откровенное напряжение.

«Предчувствует? Нет, всего лишь входит в роль? – гадала Эллин. – Похоже, что предчувствует. Писательская интуиция. Она не подвела Грюна еще тогда, когда избирал концовку для рассказа. Если учесть, что у Шеффилда она почти не проявлялась, то следует предположить, что именно хорошо развитая интуиция является главнейшим признаком таланта. Любого».

Эллин взглянула на часы. Парализующее средство начнет воздействовать на волю Эварда уже через пять минут. Если он опустошит и вторую рюмку, минут через десять с ним можно будет вести себя, как с манекеном.

Она подбадривающе улыбнулась Грюну и, чтобы еще больше подбодрить, приложила горлышко к губам, делая вид, будто пьет.

– Нам пора, – появился в дверях мрачновато ухмыляющийся Стив Коллин. – Любезничать здесь, мистер и мисс, в любом случае неудобно.

– Что ты вцепился в нас, старик? – отмахнулся Эвард, опустошив рюмку. – Любезничать удобно даже на плахе. Важно: с кем.

– Вы правы, для тюрьмы я слишком стар. Но это не мешает мне исполнять свои обязанности самым надлежащим образом.

– Так исполняйте же их, черт возьми! – наконец-то взбодрился «обреченный». – Иначе мистер Согред уволит вас. Вместе со всей охраной этого каземата.

– Что я и намерен делать, – решительно запрокинул голову Стив Коллин. – Заключенный Том Шеффилд, вам уже сообщили, что в помиловании вам отказано. Казнь, согласно приговору, будет произведена сегодня, причем немедленно. Вы хотели бы сообщить что-либо своему адвокату?

– Что я безумно влюблен в нее, – наигранно улыбнулся Эвард. – Такое говорить позво-
ляется?

По лицу Коллина прошла волна нервной судороги.

– Перед казнью обреченному разрешается говорить все, что вздумается, – ответил он, поглядывая из-под бровей на отошедшую к двери Эллин.

– Я люблю вас, Эллин.

– Подходящее время для объяснения.

– Учтите, что это сказал я, а не Шеффилд.

– Мистер Шеффилд! – грозно уставилась на него Грей.

– Вы все сказали? – вмешался Коллин.

– Кажется, даже кое-что лишнее.

– Конвой! Я сказал: «Конвой!» – рявкнул заместитель начальника тюрьмы.

Проскрипели железные ворота, и в каземате появились два крепко сбитых парня в мундирах охранников тюрьмы.

– Это и есть моя личная охрана? – попытался пошутить Эвард. Но эти парни шуток не признавали. Заведя ему руки за спину, охранники взяли их в наручники. Один из них заклеил Грюну рот пластырем, и, подхватив под руки, они повели его по узкому коридору в подвал, где находилась камера для казни.

На мгновение Эварду удалось остановить процессию, он уперся, оглянулся на Эллин, но, увидев, как она, осеня личико своей обаятельной улыбкой, разводит руками, мол, извини, именно так оно все и должно происходить, – немного успокоился. Впрочем, охранников его состояние не интересовало. Еще через несколько секунд они усадили его в специальное кресло-каталку, закрепили ноги и грудь металлическими дугами и покатали по наклонному спуску в лабиринты подземелья.

* * *

У электрического стула Грюн Эвард уже вовсе попытался сопротивляться, но дюжие охранники подсекли его ноги и буквально зашвырнули на металлический «трон». К яростному сопротивлению и конвульсиям обреченных они привыкли, а высказывать свое негодование им запрещала инструкция. Любое их слово могло оскорбить достоинство обреченного, что законом не допускалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.